

Наталья
ЛЕВИТИНА

**Кейс.
Доставка курьером**

Девушка
~ без ~
недостатков

Журналистка Юлия Бронникова

Наталия Левитина

Кейс. Доставка курьером

«Автор»

2008

Левитина Н.

Кейс. Доставка курьером / Н. Левитина — «Автор»,
2008 — (Журналистка Юлия Бронникова)

ISBN 978-5-17-074383-4

Юлия Бронникова, сотрудница журнала «Удачные покупки», и ее друг дизайнер Егор приехали в загородное поместье депутата Воскресенского в тот самый несчастливый момент, когда на того было совершено покушение. Умирающий депутат просит Юлию передать кейс одному криминальному авторитету. С кейсом, набитым деньгами, Юлия ввязывается в очередную авантюру, хотя где найти этого человека – не представляет, как его зовут – не расслышала, а шифр просто-напросто забыла...

ISBN 978-5-17-074383-4

© Левитина Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталия Левитина

Кейс. Доставка курьером

Глава 1

Округлые формы

Почти год назад я бросила курить и сразу же набрала десять килограммов. Как выяснилось, именно эти килограммы отделяли меня от планетарного мужского помешательства. Никогда еще парни не были столь настойчивы в отношении моей персоны. Никогда раньше не приходилось так часто пресекать поползновения различных индивидуумов, снабженных природой пятью конечностями. Вот, стала пышечкой на свою голову.

– А ты думаешь, мужчин привлекают гламурные кости, равномерно обтянутые кожей? – скептически заметила Нонна. – Все нет! Им нравятся земные женщины. Вроде нас с тобой. К тому же эти пятнадцать килограммов так ловко по тебе распределились – как войска НАТО по Европе.

– Десять, Нонна, десять! – терпеливо поправила я подругу. – Не пятнадцать! Сейчас я вешу ровно шестьдесят.

– Серьезно? – Нонна внимательно меня осмотрела. Точно так врач смотрит на пациента, испытывающего неоправданный оптимизм по поводу своего диагноза.

– Да. Шестьдесят. Ну... Наверное.

– Хм, – хмыкнула Нонна.

Откуда этот скептицизм?

Я стояла, уткнувшись носом в открытый шкаф, и решала вечную девичью проблему: что надеть? Эта поза провоцировала комментарии – сзади все мои лишние килограммы были украшены только полоской бикини и застежкой лифчика, а значит, беззащитно выставлены на обозрение публики.

С тех пор как Нонна открыла неподалеку один из офисов, она часто заезжает выпить кофе. Таким образом, я предоставляю подруге не только хлеб (т. е. кофе с круассанами), но и зрелища (мои тугие полуобнаженные тела).

– Да-да, Юлия Бронникова¹, ты растолстела очень удачно. Теперь у тебя роскошная фигура. Увеличились бюст и попа. А это нетипично. У дам бальзаковского возраста первым делом заплывает жиром талия. А бюст почему-то продолжает уныло висеть, словно листик на ветке, измочаленный октябрьским ветром.

Своеобразная манера Нонны говорить комплименты слегка шокирует.

– Так мне себя поздравить? – удивленно бормочу я. – Теперь я – дама бальзаковского возраста? Стоп, поправка: раздобревшая дама бальзаковского возраста... О нет...

Мне же всего тридцать один!

– Ах, Юля! Какой чудесный кофе! Эй, подруга, ты чего приуныла? Говорю – кофе отличный!

– Да, хороший, – вяло согласилась я.

– К тебе заходишь, и с порога – божественный аромат!

– Никита купил кофе-машину. Теперь не надо стоять над туркой и ловить момент. Требуется только засыпать зерна, залить воду, нажать кнопку – и кофе готов. Даже не представ-

¹ Журналистка Юлия Бронникова – главная героиня книг Н. Левитиной «Грешница», «Тренчкот», «Неприятности в ассортименте».

ляешь, сколько раз в день я нажимаю эту волшебную кнопку. Хорошо, моя мама не в курсе, иначе она бы меня убила!

«Юля, ты гробишь свою печень!»...

– Ой, я тут читала про эксперимент, – оживилась Нонна. – Подопытным крысам вживили электрод в мозг – прямо в центр удовольствия. И чтобы испытать кайф, им было необходимо нажать лапой на кнопку. Представляешь, эти несчастные твари давили и давили на кнопку до полного физического истощения!

Блестящая параллель!

Получается, я ошиблась. Я не раздобревшая дама бальзаковского возраста. Всего лишь – экспериментальная крыса.

– Ты хочешь сказать, что я очень похожа на такую крысу? – убито посмотрела я на подругу.

– Глупости! – махнула рукой Нонна. – Ты гораздо симпатичнее.

– Спасибо.

– И вообще, ты же знаешь, как я тебя люблю.

Да, знаю.

Пусть мы с Нонной дружим всего два года, но в этот промежуток уместилось огромное количество событий и передряг, потребовавших значительной траты нервов. Мы давно бы оказались в психушке, если б не имели возможности в критический момент порыдать на груди друг у друга.

Поэтому я прощаю Нонне все: и пинок, которым она отправила меня к старушкам бальзаковского возраста, и сравнение с подопытной крысой, и злобные инсинуации насчет пятнадцати килограммов.

Ой, кто бы говорил! Сама-то старше меня на десять лет. И толще на целых двадцать кэгэ.

Ну разве не душечка?

– Ты сейчас куда? В редакцию? – поинтересовалась моя престарелая жирная подруга. – Давай подброшу. Как раз еду в центр.

– Классно, спасибо.

– Новые сапоги? Шикарные.

– Никита купил, – сдавленно прохрипела я: застегивала, согнувшись в три погибели, «молнию» на шикарных новых сапогах. Еще ведь надо следить, чтобы джинсы не выбивались из голенищ.

– Ах, этот Никита! – закатила глаза Нонна. – Все-то он тебе покупает.

– Не все. Вот эту водолазку, например, привезла из Милана ты.

– Да, я тоже молодец, – согласилась Нонна. – А ты не думала о том, чтобы нашить на нее бахрому, стеклярус? Стразиков приклеить? Слишком уж она простая.

– Нет, спасибо. Мне и так нравится, – отрезала я, натягивая плащ.

На улице ледяной апрель. По утрам лужи покрыты толстой коркой льда, пронизывающий ветер рвет рекламные растяжки над дорогой, на газонах высятся почерневшие сугробы – последняя неделя марта ознаменовалась головокружительными метелями, нас засыпало снегом, и он все никак не растает... Но в середине дня серое марево вдруг рассеивается, свинцовые тучи разбегаются в стороны, и на город обрушивается лавина теплого солнечного света. И тогда становится совершенно ясно – настоящая весна уже где-то рядом, ее свежее дыхание разлито в воздухе прозрачной голубой акварелью...

...О чем думает современная девушка на рабочем месте? Вариантов ответа на этот вопрос, естественно, великое множество. Имеет значение и личность девушки, и то, где она работает. Но наверняка выражение «она думает о своих должностных обязанностях» будет занимать отнюдь не топовую позицию в предложенном списке.

К тому же надо учесть изумительную способность женщин держать в голове 893 предмета одновременно. Я, например, часто ловлю себя на мысли, что начинаю лихорадочно вспоминать, забрала ли из химчистки куртку и достала ли из морозильника курицу, уже через пять секунд после затихания финальной волны оргазма. Это, кстати, настоящая песнь славы сексуальному мастерству Никиты. Если бы он был менее ловким любовником, я бы думала о химчистке и замороженной курице не только сразу же после секса, но и в процессе.

И это было бы печально.

А на рабочем месте я никогда не думаю о работе. Коллектив журнала «Удачные покупки» напрочь лишает меня такого шанса. Сотрудники редакции прилагают массу усилий, чтобы выиграть сравнение с компьютерным монитором. В конце концов я поворачиваюсь к компьютеру спиной и теперь уже беспрепятственно отвечаю на приветствия, поддерживаю диалоги, обсуждаю различные темы.

Когда вереница посетителей идет на убыль, я мысленно возвращаюсь к вопросу, измучившему меня в последнее время. Я думаю, по каким критериям оценивать супружескую верность. Верна ли я Никите? Имею ли право флиртовать? Улыбаться, строить глазки? А вдруг на меня уже впору ставить клеймо «изменница»?

Пока мой любимый рыщет по стране, укрепляя позиции российско-французской компании «Фростком», я тут слегка расслабилась, надо признать... Вокруг столько мужчин.

Один из них особенно хорош...

– Ну ты даешь! – рассмеялась Нонна, когда я посвятила ее в свои переживания по дороге в редакцию.

Мы ползком пробирались от одного красного светофора к следующему. Огромный автомобиль Нонны злобно огрызался – для него было невыносимо ехать столь медленно.

– Чего ж тут думать? Все ясно!

– Да неужели? Мне абсолютно ничего не ясно!

– Юля, не парься, – посоветовала подруга.

– Но все так сложно.

– Да, ты слишком сложная. Проще надо быть, Юля, проще.

– Нет, Нонна, согласишься, вопрос гораздо запутанней, чем ты пытаешься представить.

– Я ничего не пытаюсь, – пожалала плечами Нонна. – Зачем огород городить? Переспала? Значит, изменила!

Я в ужасе замахала руками:

– Ты что!!! Вариант физической измены я даже не рассматриваю!

– Я в курсе, – улыбнулась Нонна. – Последние два года ты исключительно моногамна. Как несовременно! Поэтому перестань засорять себе мозги дурацкими вопросами. Ты ни в чем не виновата перед Никитой.

– Почему-то я смотрю на ситуацию иначе, – грустно вздохнула я. – Да, о сексе не может быть и речи. Но ведь я позволяю себе думать о других мужчинах. А они оказывают мне знаки внимания. Мы ходим в рестораны и на всякие помпезные мероприятия. И я даже не очень сопротивляюсь, если кто-то пытается обнять меня за талию. Я предательница? Да, предательница.

– Ты слишком много думаешь. А это вредно. Не грузись. Просто наслаждайся жизнью. Прислушайся к мнению старшего товарища.

– Постоянно приходится себя одергивать – ты замужем, ты замужем.

– Ну, не так уж сильно ты и замужем! – улыбнулась Нонна. – Официально вы пока не зарегистрировали ваши отношения.

– Это ничего не меняет. Меня грызет совесть. Но я все равно не прекращаю контактировать с... Не важно... А вдруг я хожу по тонкому льду? А если...

– О-о-о... – простила Нонна. – Сдаюсь. Ты уникал. Значит, так. Прекращаешь все контакты с противоположным полом. Даже не пытайся разговаривать с мужчинами или смотреть в их сторону... Надеюсь, Никита оценит твою преданность. Только боюсь, мужчинам больше нравятся певчие птички, а не курицы, добровольно заточившие себя в курятнике.

– Ты хочешь сказать, я имею моральное право позволить другому мужчине мне нравиться?

– Имеешь или нет, но раз ты столько об этом говоришь – значит, тебе уже кто-то нравится.

– О да, – грустно призналась я. – Есть один.

– Кто он?

– Андрей Вадимович. Мы познакомились на охоте. Я тебе рассказывала. Тот дядька в ватнике.

– Угу. Понятно, – кивнула Нонна. – Я сразу поняла, где собака зарыта. Весь этот разговор вертится вокруг его персоны... Я помню, помню. Андрей Вадимович. Дядька в ватнике. Он держал под уздцы шикарного коня и заигрывал с тобой.

– Да, верно. И мне ужасно стыдно перед Никитой.

– Сам виноват. Зачем оставляет тебя одну? И ведь надолго! А ты теперича – аппетитный пончик. Мужики так и выются.

– Никита не виноват, у него командировки.

– Вот! Командировки, – бросила на меня многозначительный взгляд Нонна. – Ты тут кутаешься в паранджу, а ведь не знаешь, чем твой Никита занимается вдали от дома.

– Работает, – бесхитростно ответила я. – Открывает филиалы «Фросткома».

– Весь месяц только работает? И ни с кем ни-ни?

– Конечно, – твердо и спокойно произнесла я.

Подруга посмотрела на меня с восхищением и жалостью. Восхищение, очевидно, относилось к моей непоколебимой уверенности в честности Никиты, жалость – к моей абсолютной беспомощности в вопросах мужской психологии.

– Надеюсь, все так оно и есть, – сказала Нонна. – Вы славная парочка.

– Я безумно по нему скучаю. Нет, ну как же так, а? Тоскую по Никите, но от внимания Андрея Вадимовича тоже не отказываюсь. Какая гибкая психика!

– Да ладно!

– Нонна, мне ужасно не хватает Никиты! Вчера слушала его диски – едва сердце не остановилось.

– А какие у него диски? – тут же оживилась Нонна. – Мне в машину музыка нужна, уже все переслушала по тысяче раз. Что там у Никиты? Рэпчики какие-нибудь заводные? R'n'b? Рок? Дай послушать. Но не джаз, я надеюсь?

– Нет, не джаз. Другое. Ты не поверишь. Мне бы кто два года назад сказал, что я буду такую музыку слушать.

– Ух ты!

– Не музыка, а психотропное оружие. Крышу сносит капитально.

– О-о, – загорелась Нонна. – Я тоже хочу! Да что же там у вас?

– Вообще-то Моцарт. Еще Верди. Ну и... Доницетти.

?!!!

Последним в мой кабинет заглянул биг-босс Степан Данилович (партийный псевдоним – Виолетта Гусь. Именно так шеф подписывает статьи в «Удачных покупках»).

– Юля, привет! Дай-ка на тебя посмотреть! Прелестно. Ты просто ослепительна. М-м-м, как хорошо тебе в этой водолазке, – заявил он.

Вот, еще один возмутитель спокойствия. Водолазка ему, видите ли, понравилась. Похоже, моя неземная красота мешает людям жить спокойно.

Права Нонна.

Надо закутаться в паранджу.

После убойного новогоднего корпоратива мы со Степаном перешли на «ты». Просто невозможно продолжать говорить ему «вы», учитывая поведение босса на праздничной вечеринке. Нет, я, конечно, тоже люблю потанцевать у шеста. Но я все-таки девица, а не богатырь ростом под два метра и с красивой бородой – русой, окладистой... И для подобных упражнений я, между прочим, выбираю менее людные места. И не разбрасываю одежду в радиусе трех гектаров, а аккуратно складываю ее на диван...

Но корпоративные вечеринки именно для того и придуманы, чтобы в приятной атмосфере всеобщего помешательства выразить себя как можно более полно. Поэтому мы относимся к шефу с нежностью. Артистизм и самоирония – редкие качества, если дело касается начальственной персоны.

– Юлечка, – осторожно начал Степан Данилович. – Будешь писать про «Гривенник»?

– Нет! – тут же взвилась я. – Нет! Нет! И не говори мне об этой мерзкой конторе!

Главный редактор, вероятно, мной залюбовался. По крайней мере, я ощутила острое покалывание в районе бюста. Взгляд шефа жарил, как электрофорез.

– Какая ты экспансивная! – с благоговением выдохнул Степан и, сделав над собой усилие, перевел взгляд выше – на мое лицо. – Не понимаю, что с тобой происходит?

– Не буду писать про «Гривенник»! Ты прекрасно знаешь почему! Не буду!

– Да я не о том, Юля. Вот удивляюсь. Ты с каждым днем все краше, все лучше. И мордочка так округлилась, и по... э-э... м-да... Признавайся – беременна?

В глазах у шефа вспыхнуло подозрение. Я уловила постукивание кнопок калькулятора – Степан мысленно подсчитывал, во что обойдется журналу утрата самого продуктивного журналиста.

– Нет, не беременна, – разочарованно пробубнила я.

Увы, увы!

Наши с Никитой усилия бесплодны, хоть мы и стараемся. Два года активно трудимся над задачей, а результат нулевой. Есть о чем задуматься...

Шеф облегченно вздохнул:

– И правильно, Юля! Куда торопиться?

– Да пора бы, – интимно и горестно призналась я. – Мне уже за тридцать, однако.

– Ладно врать. Ни за что не поверю.

– Спасибо.

– А даже если за тридцать... – задумчиво пошкрябал подбородок Степан. – Подумаешь! Родить всегда успеешь.

– Мне бы твой оптимизм.

– А ты посмотри на голливудских звезд. Сначала они заботятся о карьере, выращивают гонорары, покупают виллы. А уж ближе к сорока начинают рожать, как заведенные. И не только звезды – все образованные американки и европейки придерживаются такой модели поведения. На первом месте карьера, дети – потом.

– Ну а мне-то чего тянуть, – пожалала я плечами. – Миллионные гонорары в любом случае мне не светят, на средиземноморскую виллу я тоже вряд ли заработаю. И моей карьере ребенок никак не помешает. Я проверяла. Серьезно.

– Как это?

– Так. Мне же постоянно подбрасывают младенцев. Ты даже не представляешь, Степа, сколько статей я написала, стуча одной рукой по клавишам ноутбука, а другой укачивая на колене чужого детеныша. В общем, не переживай. Если я вдруг рожу, ты даже не заметишь.

– Ага. Все так говорят. А потом – ррраз, и в декрет на три года. Короче, Юлька... «Гривенник» хочет, чтобы именно ты взялась их рекламировать в нашем журнале.

– Я не буду писать про эти мерзкие, отвратительные магазинчики, торгующие тухлятиной! – рявкнула я, розовея от гнева.

Шеф отпрянул.

– Ну ладно, – буркнул он. – Не надо. Раз так не хочется. Тебе очень идет быть такой... такой...

– Какой?

– Бешеной.

Глава 2

Сезон охоты открыт!

Итак, Нонна посоветовала мне расслабиться и не загружать мозги надуманными проблемами. И если я решу провести полчаса в медитации об Андрее Вадимовиче – это не будет считаться изменой Никите.

И все-таки я не уверена...

Конечно, приятно ощущать себя в эпицентре мужского внимания. Но как же это хлопотно! Не представляю, как себя чувствуют длинноногие пышногрудые блондинки. Ведь даже мне, девице с довольно невыразительной внешностью, теперь приходится нелегко. Стоило невзначай укрепить тыл жировыми отложениями, и все вокруг сошли с ума.

Я прочитала, что мужчин особенно волнует контраст между тонкой талией и пышными бедрами. Такими формами природа якобы наделяет особо плодовитых женщин. А самцов подсознательно влечет к плодовитой самке – им же надо увеличивать популяцию. И если вдруг соотношение между талией и бедрами приближается к показателю 0,7, то у этих алчных домогателей окончательно сносит крышу.

Чего только не напишут!

М-да... Меня никак нельзя назвать плодовитой самкой. Я упорно не залетаю, несмотря на титанические усилия Никиты. Но мои бедра, после того как я прибавила десять кэгэ, чрезвычайно жирны. Надо бы их измерить.

Я порылась в столе и нашла ленту.

О, ужас! 94 сантиметра! Я мамонт!

Талию даже мерить страшно. Она сильно изменилась за последний год. Да, так и есть: 65 сантиметров. Но ничего, жить можно.

Теперь надо разделить 65 на 94. Я попыталась посчитать столбиком, но, естественно, потерпела неудачу. Это непосильная задача. 150 на 30 я еще смогу разделить, но 65 на 94 – увы!.. Да, в компьютере и мобильнике должен быть калькулятор, но, к сожалению, мне никогда не удается их там найти.

Я позвонила Нонне.

– Какое у тебя соотношение между талией и бедрами? – в лоб огорошила я ее вопросом.

– Привет, сто лет с тобой не общались, – ехидно заметила Нонна (мы расстались два часа назад). – И именно этого страшного вопроса я с замиранием сердца давно от тебя ждала. Так и думала: сейчас позвонит Юля и спросит: а какое у тебя соотношение между талией и бедрами?

– Ну и?..

– Для начала надо измерить и то и другое. Подожди, я спрошу у девочек сантиметр. А потом посчитаю. У тебя, кстати, сколько вышло?

– Не знаю. Талия – шестьдесят пять, бедра – девяносто четыре.

– Значит, приблизительно – ноль целых семь десятых, – тут же сосчитала Нонна.

О-о... Я – идеал?!

– А сколько надо?

– Столько и надо. Ровно ноль семь.

– У тебя не ровно. Ноль шестьдесят девять. И все равно поздравляю, – сказала Нонна.

Ноль шестьдесят девять?

Тоже хорошо!

Подруга классно считает в уме, у нее незаурядные математические способности, и их она использует в своей деятельности. Она прирожденный коммерсант, экономист и бухгалтер. Мне нравится видеть ошарашенные лица ее деловых партнеров, когда, на секунду задумав-

шись, Нонна выдает им подробный финансовый анализ поступившего предложения – затраты, издержки, прибыль. А если мы с ней, к примеру, заходим в кофейню, чтобы изящно и необременительно перекусить между завтраком и обедом, Нонна вмиг вычисляет совокупную стоимость всех двадцати восьми блюд, заказанных нами, учитывая также пятнадцатипроцентную надбавку за обслуживание.

Вот поэтому я ей и позвонила.

– Нет, дурацкая затея, – зло сообщила Нонна в трубку через несколько минут. – Моя талия не делится на бедра. Принципиально. Это кошмар какой-то.

– Главное, правильно их найти, – успокоила я подругу. – Ты помнишь, что бедра измеряются не прямо над коленками, а немного выше? А талией называется мифическая область чуть ниже груди?

– Да, именно там я ее и искала. И вообще-то у меня лопнул сантиметр. Все, пока.

Нонна бросила трубку.

Кажется, я испортила ей настроение.

Зря она так расстроилась. Подумаешь, при измерении талии лопнул сантиметр. С кем не бывает!

Зато у меня идеальное соотношение. Ура!

Мобильник запрыгал на столе. «Ноннище», – прочитала я на дисплее. Сегодня нам не суждено отдохнуть друг от друга.

– А какой у тебя бюст? – мрачно поинтересовалась Нонна. – Ты не сказала.

– Ежу понятно. У нас, моделей, бедра и бюст всегда совпадают в объемах. Тоже девяносто четыре сантиметра.

– Не густо, – буркнула Нонна.

– Да, не густо, но нам с Никитой вполне хватает. Зато у тебя, мой зайчик, великолепная, роскошная грудь, – лстиво заметила я, стараясь поднять подруге испорченное настроение.

– Ладно, пока. Мне работать надо, а ты постоянно меня отвлекаешь, – угрюмо пробубнил в трубку грудастый зайчик.

– Пока.

– Пока.

Объем моего бюста вообще-то 90 см. Но я обожаю гиперболы.

В самом начале апреля охотничий магазин «Дикий отдых» проводил презентацию на лоне природы, в роскошной усадьбе, спрятанной в глубине леса. Сугробы, в городе лежавшие плотными глыбами, почерневшими от сажи и копоти, здесь, среди великолепных сосен, светились белизной. В деревянном срубе, пронизанном солнцем, накрыли столы – намечалось пиршество а-ля рюс: водка в запотевших штофах, солянка, жареная дичь, фаршированный осетр, икра, квашеная капуста и клюква, пироги с грибами и пр.

Все годы, что я травила себя никотином, я оставалась совершенно равнодушной к пище. Зато теперь, бросив курить, постоянно страдаю от голода. Поэтому роскошные яства, уставленные на столах, не давали покоя.

Меня пригласили на пикник в качестве пиарщицы – «Дикий отдых» заказал несколько модулей рекламы в нашем журнале плюс статья и репортаж о презентации. Изучив предоставленный магазином каталог охотничьего снаряжения и боеприпасов, я стала настоящим специалистом в этой области и теперь легко отличила бы винтовку от Т-34 или ягдташа.

Люблю расширять кругозор!

Сейчас, если вдруг кто-то поинтересуется, я компетентно посоветую не ходить на зайцев с гранатой – поверьте, это малоэффективно. Да и вообще не понимаю охотников. Как можно стрелять по маленьким, пушистым, беззащитным зверькам.

Натуральное свинство!

Однако, судя по обилию приглашенных VIPов и радости, сияющей на их плотоядных лицах, мою точку зрения не разделял никто. Да и я сама быстро спрятала ее подальше. Все равно от статьи о магазине, торгующем орудиями убийства, не отвертеться («Юля, ты совсем обнаглела, – сказал бы в этом случае шеф Степан Данилович. – Посмотрите на нее! Про «Гри-венник» она писать не хочет, а про «Дикий отдых» – не может. Ей принципы, видите ли, не позволяют!»).

Да ладно.

Какие там принципы.

...Я обогнула стоянку, заставленную сверкающими лимузинами, и прошла по извилистой дорожке между синими елями. Территория лесной усадьбы, обнесенная замысловатым кованым забором, сияла чистотой и радовала дизайнерскими находками – чугунные скамейки и беседки, фигурки зверей, фонтаны, еще не реанимированные после зимы... То тут, то там причудливо громоздились валуны, привезенные – как мне сообщили – из-за полярного круга. Не лень же было людям надрывать! Словно у нас в окрестностях булыжников не хватает. Впрочем, общаясь с богачами, я давно уже привыкла, что они мыслят иначе, нежели мы, простые селяне.

Поэтому, видимо, они и разбогатели...

Я оставила позади монументальный сруб, где нас с самого утра развлекали и откармливали, и увидела этого товарища. Он держал под уздцы гарцующего коня и что-то говорил ему на ухо. Конь прислушивался, шевелил ушами, его ноздри подрагивали, черные губы оттопыривались. На конюхе был затрапезный ватник, подбородок украшен щетиной, вовсе, впрочем, не портившей его симпатичную физиономию.

Ну надо же... Обычный конюх.

А так выглядит!

Публичные персонажи мужского пола, постоянно мелькающие на телеэкранах, тоже любят дополнить внешность этим штрихом – двухдневной щетиной. Она не должна выглядеть неряшливо. Напротив, словно налет благородной патины на антикварном раритете, она подчеркивает особую...

– Хэлло! – прервал мои мудрствования благородно ошетиненный дяденька. – Хочешь прокатиться? Айда!

Я осторожно подкралась ближе. Конь и его приспешник вызывали интерес... Хм... О, введливый глаз журналиста, придирчиво цепляющий детали! Он замечает любую мелочь!

В «Удачных покупках» я публикую не только рекламные статейки, но также колонку светских новостей (Степан Данилович подло повесил на меня эту обязанность). Красочная нарезка фотографий на двух последних страницах – кто, с кем, в чем – на моей совести. И приходится вникать в гламурные тонкости. А то напишешь про жену вице-мэра, что она была в платье от Valentino и кроссовках Nike на босу ногу, а дамочка, не уловив юмора, сделает харакири себе, мне, мужу и главному редактору «Удачных покупок».

Короче, ватник здесь лишний.

Не его это ватник.

Не только холеная щетина конюха не ускользнула от моего внимания, но и его ухоженные руки. Легко представить, как он стучит пальцами по клавиатуре компьютера, листает «Файненшл таймс» или задумчиво вертит в них «паркер». Но держать такими руками вилы и разгребать навоз?! Абсолютный бред.

Я опустила взгляд ниже и увидела ботинки из кожи буйвола – баснословно дорогие шuзы на толстой рифленой подошве. Реклама магазина, торгующего подобной обувью, печатается в «Удачных покупках» уже три месяца подряд.

– Давай залазь, – предложил мужчина.

Почему бы нет?

Я вставила ногу в стремя и не без изящества взгромоздилась на коня. Тот трепетно при-танцовывал на месте.

– О, какая ты ловкая, – не преминул заметить загадочный товарищ в ватнике. – Занимаешься фитнесом?

– Ну, вообще-то... Иногда случается, – призналась я, но в подробности вдаваться не стала.

Смотря что называть фитнесом. Если, к примеру, перетаскивание тяжестей по квартире, то этой разновидностью фитнеса я занимаюсь круглосуточно. Постоянно бегаю из кухни к ноутбуку с чашками кофе, бутербродами и кусками торта...

Я чувствовала, как вздымались бока животного под моими пятками. Нагнулась вперед и потрепала коня за гриву.

Славный!

Но как же тут высоко!

– Держись вот здесь. Да. Умница. Кстати, я – Андрей Вадимович. А тебя как звать, прелестная наездница?

– Юлия Бронникова. Журнал «Удачные покупки». Ангажирована магазином «Дикий отдых» для освещения мероприятия в прессе.

– Ясно. Из ружья-то постреляла, Юлия Бронникова?

«Дикий отдых» устроил грандиозную стрелковую сессию для всех желающих. Под снисходительно-презрительными взглядами настоящих охотников дилетанты, типа меня, радостно повизгивая, палили по мишеням.

Конь бежал рысцей, я тряслась в седле, поглядывая сверху на Андрея Вадимовича. Он не отпускал поводья и легко галопировал рядом, направляя бег коня и демонстрируя отличную физподготовку – его дыхание даже не сбивалось.

– Да, постреляла из всего, из чего позволили. Потом съела все, чем кормили. Теперь на лошади гарцую. Жизнь удалась! А вы как развлекаетесь?

– Вот, работаю, – усмехнулся Андрей Вадимович. – Катаю гостей. Хочешь сама попробовать?

Так кто же он? Инструктор?

Меня трясло и колотило на широкой спине прекрасного скакуна. Больше всего на свете я боялась съехать с седла куда-нибудь вбок.

– Нет, – закричала я, – не отпускайте его, держите! Я боюсь!

– Ладно, понял. Ты это, Юля... Не вопи! Испугаешь нашего красавца.

– Не врете, вы здесь не работаете, – более спокойным тоном заметила я. – И ватник на вас – с чужого плеча.

– Надо же, Юля, как молниеносно ты меня раскусила. Тогда сдаюсь. Я здесь не работаю. Я тоже из гостей. И приехал на красном «хаммере».

Да, я видела этого сверкающего крокодила. Он занял половину стоянки.

– Опять вы обманываете, Андрей Вадимович. Вы не похожи на человека, который ездит на красном «хаммере».

– Почему?

– Потому что у человека, разъезжающего на красном «хаммере», явные проблемы с самооценкой. Ему хочется отчаянно кричать – посмотрите на меня, я есть, я существую! И он никогда бы не надел чужой грязный ватник и не стал бы изображать инструктора, катая на лошади какую-то девицу.

– Не какую-то, а очень симпатичную, – приятно поправил Андрей Вадимович.

– Значит, вы приехали сюда на чем-то другом.

– Ладно, сдаюсь. Тебя, Юля, не проведешь. Как ты назвала свой журнал?

– «Удачные покупки».

– А не «Вопросы психологии»?

...Сделав круг, мы вернулись к усадьбе. Андрей Вадимович помог мне слезть с коня – подхватил и аккуратно поставил на землю.

– Ты раскраснелась, – заметил он.

Если честно, я замерзла. В ушах стреляло, скальп и шея заледенели. Нужно было не выпендриваться, а надеть на прогулку какой-нибудь шерстяной чепчик. Так нет же! Ведь надо всем показать мою шикарную прическу. По три волосинки на квадратный сантиметр.

Боюсь, от такого мороза и это выпадет.

– Вы тоже раскраснелись, – ответила я.

Но Андрей Вадимович конечно же не замерз. Думаю, ему сейчас было жарко – он пробежал кросс, сопровождая нас с конем.

– Предлагаю пойти и выпить за знакомство, – предложил инструктор. – Надеюсь, там еще остались водка и закуска?

Под затрапезным ватником у него был дорогой кашемировый свитер. Мы не пили на брудершафт, но, приголубив штоф на двоих, прониклись друг к другу еще более нежной симпатией. Андрей Вадимович обнял меня за плечи, я доверчиво привалилась к нему.

Подлая.

У меня же Никита.

Как стыдно!

Нет, я не виновата! Едва огненная жидкость проникла в мои заледеневшие внутренности, прокатилась жаркой волной по пищеводу и достигла желудка, я сразу поплыла. Хотелось обнимать и целовать весь мир, говорить комплименты и признаваться в любви. Люди – вы такие хорошие! Особенно тот, который сейчас рядом. И Никита, уехавший в командировку... Помнится, я даже всплакнула от невозможности выразить свою огромную, всепоглощающую любовь – она пульсировала в груди обжигающим сгустком протоплазмы.

...В город мы мчались вовсе не на красном «хаммере». К моменту депортации я уже слегка проветрилась и даже довольно ровно дошла до автостоянки. У Андрея Вадимовича был скромненький черный «круизер» размером с Мадагаскар.

У Нонны такой же.

Мы влетели в город по ночной трассе, сияющей огнями встречных автомобилей. Мой новый знакомый не только довел меня до квартиры, но и помог найти ключи в сумке и открыть дверь. Я пьяненько хихикала, не понимая, почему замочные скважины ползают по двери, как тараканы, и почему их так много...

Наутро, красиво закрепив на макушке пачку сливочного масла, взятую из морозильника (в качестве средства от боли), я штудировала список гостей, приглашенных «Диким отдыхом» в лесную усадьбу. В голове у меня поселился злобный тролль. Он скалился, с чавканьем жевал мои мозги и начинал противно повизгивать при любой попытке подвигать глазами. Я в двадцать пятый раз просмотрела список, но не нашла в нем Андрея Вадимовича.

В памяти звучали слова двух дамочек, ревниво вчера наблюдавших, как меня грузят в машину.

– Ты видела, – недовольно прошипела одна из них, – как Холмогоров обхаживал эту?

– Да, весь вечер от нее не отходил.

– Кто она? Что за пигалица?

– Да так, из обслуги, – презрительно пожала плечом другая мадам. – Журналистка, кажется.

Итак, моего конноспортивного инструктора, водителя, приятного собеседника, а также собутыльника зовут Андреем Вадимовичем Холмогоровым.

Но кто же он на самом деле?

Вечерний звонок Никиты – удовольствие, мыслями о котором я сладко согреваюсь в течение дня. Рабочая суматоха, поездки, интервью, кофе, тексты, мысли, – и вдруг таинственный зверек невесомо трогает пушистой лапкой мое сердце. Я замираю. Меня волнует предчувствие чего-то радостного и приятного, и несколько секунд, пока правильный ответ на вопрос «что же это?» еще не найден, я плаваю в золотистом потоке нежности. А потом вспоминаю – обещал позвонить Никита, и вспышка радости озаряет все вокруг.

Да, вечером он позвонит.

А сама я даже не пытаюсь. Имею богатую практику неурочных звонков – в этой области у меня особый талант. Почему-то я всегда напоминаю Никите о своем существовании именно в тот момент, когда он ведет важные переговоры, или находится в цеху, заполненном грохочущими и лязгающими механизмами, или сидит с партнерами в ресторане, или преодолевает на авто особо опасный отрезок дороги...

Он постоянно уезжает!

Нет, мы никогда не сделаем ребенка.

С таким-то графиком!

Я подсчитала: он отсутствует по три недели в месяц. Это издевательство! Никита Арабов, зам по развитию в АО «Фростком», ездит по стране и открывает представительства компании. Он тешит себя мыслью, что зарабатывает хорошие деньги, развивает карьеру, укрепляет социальный статус. А на самом деле его драгоценная жизнь утекает сквозь пальцы как песок, пока он ведет сто пятые переговоры об одном и том же или ждет в аэропорту отложенный рейс.

Никита работает не на себя, а на владельцев компании, он укрепляет не наше, а их благосостояние. И каждая минута, положенная на алтарь «Фросткома», – это время, украденное у наших отношений. Весь апрель мы прощались, встречались и снова прощались. Да, разлука обостряет чувства, но наш семейный стаж еще не настолько велик, чтобы требовалось искать допинг для усиления эмоций. Я предпочла бы вовсе не расставаться!

Но что получается? Провожу время с кем угодно, только не с любимым. За три недели апреля я четыре раза встречалась с Андреем Холмогоровым и 89 674 635 раз с другими мужчинами. А ужин тет-а-тет с Никитой превратился в недостижимую роскошь. Его никогда нет дома. Он работает.

Что может быть хуже? Только ситуация, когда мужчина не работает. И в любое время суток, самоотверженно оторвавшись от телевизора и банки с пивом, готов одарить тебя нежностью.

Ладно уж.

Пусть ездит по своим командировкам.

– Привет, малыш.

– Никита! Как я соскучилась. Когда же ты вернешься?

– Ой, даже пока не обещаю. Чем ты сегодня занималась?

– Измеряла талию. Дописывала статью. Общалась в редакции с народом. Доводила Нонну. Масса впечатлений. Одно печально – тебя рядом нет. Я как бедный детдомовский детеныш – живу в режиме ожидания: когда придет мама? Никита, ты меня любишь?

Все девочки любят спрашивать об этом. И я – не исключение. Пусть нас разделяет тысяча километров и в бездонном пространстве между нами висят в космической темноте спутники, раздвигают воздух дельфиными мордами авиалайнеры, проносятся, покачиваясь, поезда, пружинит земная кора и раскаленно хлюпает магма, – хочется знать: ты желанна, как и прежде!

Сколько раз приходилось слышать жалобы знакомых дам на то, что невозможно добиться от мужа (или бойфренда) четкого ответа на этот элементарный и, по сути, риторический вопрос.

Чего уж проще? Нет же! Сразу начинается пространный монолог с рефреном: «Ну а ты сама-то как думаешь? Стал бы я тебе звонить / жить с тобой / дарить подарки / терпеть исте-

рики / кормить твою кошку / чистить раковину, забитую твоими крашеными волосами / покупать тебе гель для душа / выслушивать твою маму...»

Какая ерунда. Зачем эти вопли?

Требуется немного – всегда отвечать так, как отвечает мне Никита. Страстно, пылко и ни на секунду не задумываясь.

– Да, да, люблю! Конечно! – произносит в трубку телефона мой милый. – Просто обожаю! Сейчас я съем мобильник, потому что не в силах сдержать эмоции. Я сгораю от страсти. Так хочется добраться до тебя и...

Детям до шестнадцати быстро закрыть книгу!!!

Степан Данилович отлавливает меня в коридоре редакции. Габариты великана позволяют ему легко справиться с задачей – мне просто не увернуться.

– Бронникова Юлия, счастье мое! Где статья про «Дикий отдых», а?

С формулы «где статья про...» начинается восемьдесят процентов воззваний ко мне со стороны начальства. Похоже, сегодня я уже не волную босса как девушка. Вчера волновала, а сегодня – нет.

Вот и пойми этих мужчин!

Я забираю из рук босса пластиковую чашку с капучино и делаю глоток. Хочется покуситься и на чебурек, алчно зажатый в другой руке шефа, однако настороженный блеск в глазах начальника предупреждает: чебурек Степан Данилович не отдаст под страхом смерти или моего увольнения из «Удачных покупок».

– Статья почти готова, – рапортую я со сдержанной бодростью (если перегнуть палку, шеф догадается: «почти готова» означает «едва начата»). – Сдам вот-вот.

Через пять минут с нашим фотографом Тим Тимычем я рассматриваю снимки, сделанные им в лесной усадьбе. Фотографий – тысячи. Владелец магазина «Дикий отдых» яростно скалится в камеру. Приглашенные гости жеманно улыбаются, позируют, едят, пьют, палят из карабинов, валяются под столом. Белка – ушки с кисточками – настороженно смотрит с сосновой ветки. Дятел долбит клювом кору. Андрей Холмогоров держит под уздцы красивого коня и, закинув голову, смотрит на некую девицу в стеганой зеленой куртке и джинсах. У девицы красные от холода щеки, а рот до ушей. Очевидно, она очень рада знакомству и с конем, и с его хозяином.

– Слушай, а ты не знаешь, что за тип катал меня на лошади?

Тимофей щелкает клавишей, и на экран выплывает пояснение к снимку. «Андрей Холмогоров и Юлька», – написано там.

– Андрей Холмогоров, – удовлетворенно сообщает Тимофей.

– Вижу, не слепая. Но кто он?

Фотокор задумчиво чешет репу.

– Вообще-то, барышня, это ваша, а не моя обязанность – переписывать имена и должности участников фотосессии.

– Но в списках приглашенных Холмогорова не было.

– Ну, может, его потом позвали – когда уже все списки были отпечатаны. Но в этой буржуйской тусовке, скажу я тебе, он чувствовал себя вольготно. Хоть и пытался замаскироваться чьей-то засаленной телогрейкой.

– Да.

– А как злобно заклацали зубами все эти разодетые в пух и прах дамочки, когда он запихнул тебя в джип!

– Ты слышал?

– Наверное, выгодный жених. А ты оттягиваешь на себя его внимание. Что там у вас, а, Юлька?

Тим Тимыч выразительно оглядел меня с головы до ног, словно оценивая – достаточно ли я убедительна, чтобы отбить жениха у богатой дамочки. Ему пришлось надолго остановиться взглядом на моей груди – ну, ясно, это требование профессии: фотограф должен цепко выхватывать из общей картины самую изюминку.

– Да ничего у нас особенного. Холмогоров просто подкинул меня домой. Вот, теперь попытаюсь выяснить, кто он такой...

Ответ на этот вопрос я все-таки узнала.

– Да знаю я Холмогорова, – сообщил мне Степан Данилович. – Какой-то чиновник из мэрии. Функционер. Молодой и шустрый.

– Ну, не такой уж и молодой, – засомневалась я. – Предполагаю, ему в районе сорока. Но шустрый – это точно...

– Ты мне, Юля, зубы не заговаривай. Ты статью о «Диком отдыхе» носи. Времени совсем не осталось...

Вместо того чтобы удовлетворить просьбу шефа, я погрузилась в бурные течения Интернета и зашла на официальный сайт мэрии. В списках чиновников, вкалывающих во благо нашего города, Андрей Холмогоров точно так же не значился, как и в списках гостей, приглашенных в лесную усадьбу.

Глава 3

Непристойное предложение

– Юля, ты просто обязана меня спасти! – патетично воскликнул Глеб и эффектно рухнул в кресло (как мешок с зерном).

Я перешагнула через его ноги, затянутые в жокейские сапоги, и прикинула, насколько сильно травмировала бы его просьбой снять обувь у входа.

Однако, наверное, проще Китаю сравняться по численности с Лихтенштейном, чем Глебу каждый раз стаскивать с себя эти узкие высокие сапоги. У него целая коллекция подобной претенциозной обуви.

– Я бы выпил чего-нибудь. Давай ты приготовишь кофе, – тонко намекнул Глеб на мою недостаточную гостеприимность. Надо быть более радушной хозяйкой.

А не слишком ли часто у меня гости?

Вообще-то пора писать статью.

Глеб Чашвили, дизайнер и стилист, – мой давний знакомый. Он почти идеален. Единственный изъян: его мозг, профессионально деформированный гламуром, с трудом усваивает понятия, не связанные со сферой дизайна или модных шмоток. Иногда я пытаюсь расширить кругозор друга и рассказываю о Магеллане или тамплиерах. И Глеб тут же начинает нервничать, заподозрив, что речь идет о незнакомом ему модельере или особом способе наложения венецианской штукатурки. Ах, как же он пропустил такое!

Я тоже не претендую на звание самой умной девочки – про тамплиеров мне поведал Никита, про Магеллана – он же. Хотя мой возлюбленный и настаивал, что обо всем этом я должна была узнать из курса средней школы. Кто бы мог подумать!

Нет, я, конечно, помнила про Магеллана – он где-то там проплыл, то ли слева направо по карте, то ли сверху вниз. Но фантастические подробности из биографии отважного моряка узнала именно от Никиты. Целый мир открылся передо мной! Храбрость и упорство Магеллана восхитили до глубины души! И дальше я действовала уже самостоятельно, без подсказки любимого: зарылась по пояс в Интернет, углубляя знания о судьбе Магеллана.

А Глеб только моргал и нервно теребил манжету – ах, боже, Фернан Магеллан, кто же это, кто же это? А его плаття надевал кто-нибудь из звезд на вручение «Оскара»?

Да-а-а... Я многого не уловила в средней школе (возможно, потому, что рядом со школой располагался кинотеатр), но до Глеба Чашвили даже мне далеко...

– Вот, держи.

– О, спасибо. Какой аромат! Я заметил, ты стала гораздо лучше готовить кофе.

– Просто теперь у меня кофейный аппарат. Просто нажимаю кнопку. Как крыса, – объяснила я.

– Крыса? – не понял Глеб.

– Не вникай, – махнула я рукой. – Очень долго рассказывать. Ну, так что же у тебя?

– Юля, только ты можешь меня спасти.

– Что стряслось? – с нехорошим предчувствием поинтересовалась я.

– Родители приезжают. Во-первых, посмотреть на внука.

У сестры Глеба – двадцатилетней Сюзанны – полгода назад каким-то загадочным образом появился малыш.

И где они их берут?

Назовите адрес – я тоже хочу!

Вроде бы не стоило удивляться, что молодая преуспевающая женщина не торопится замуж. Стремление девушек сохранить свободу – это всеобщая тенденция, а не редкое явление.

Но Сюзанна, насколько я понимаю, вовсе не жаждала подобной независимости. Да и мужчины пристально интересовались этой неординарной девушкой, способной сочетать в себе замашки жесткой карьеристки и черты кроткого ангела. Я полагала, Сюзанна сможет выбирать из сотни претендентов, мечтающих занять вакансию мужа. И затем выберет самого классного кандидата.

Ничего подобного!

Как выяснилось, мужчины тоже не очень-то стремятся взвалить на себя груз ответственности за кого бы то ни было. Никто никому не нужен. Каждый за себя. В конце концов ребенок Сюзанны остался с прочерком в графе «отец».

– Для родителей – большое разочарование, – вздыхает Глеб. – Они приверженцы традиционных взглядов на семью. Они такие правильные. Ни секунды не сомневались – их умница великолепно устроится в жизни. Возлагали надежды.

– О, честолюбивые родительские мечты – не каждому ребенку под силу нести этот груз! – с сочувствием вздохнула я, тут же вспомнив про Марго – Маргариту Эдуардовну Бронникову, мою маман.

Сколько грустных минут доставила я мамуле! И как же всегда пригибала к земле эта ноша – мамины надежды.

– А Сюзанна теперь – мать-одиночка. Для родителей это удар. Ты знаешь, ее ведь в два счета выкинули из «Шифоньера».

– Да, знаю.

«Шифоньер» – огромный магазин в центре города, пять этажей шика, роскоши и заградельных цен. Сюзанна несколько лет взбиралась по ступенькам, карабкаясь к престижной должности, но вмиг спланировала с олимпа в тартарары, когда ее беременность стала очевидной.

– Но разве можно увольнять беременную?

– Если очень хочется, то можно, – отрезал Глеб. – Да и вообще. У нас в стране можно все, что душа пожелает. Я сейчас веду один коттедж. Мне только за проект обещали триста рублей. Так вот, владелец...

– Всего триста рублей? – изумилась я. – Глеб, ты же крутой специалист! И готов работать за...

– Юля, ну ты дурочка! Триста рублей – это сокращенно от трехсот тысяч. Инфляция, неужели непонятно.

– Триста тысяч?! – изумилась я еще больше. – Только за проект?!

Не наступайте, пожалуйста, на мою челюсть.

Я ее сейчас подниму с пола.

А не пора ли бросить журналистику и быстро выучиться на дизайнера? Да, с моим своеобразным чувством прекрасного я однозначно буду нарасхват у клиентов.

– Так что с коттеджем, Глеб?

– А то. Владелец умудрился вlepить его аккурат посреди заповедной зоны. Там всякие редкие животные бродят вольготно – еноты, страусы.

– Да-а... Не представляю, во сколько ему обошлось разрешение построить там домик. Если только за проект он отвалил тебе триста тысяч.

– Вот я и говорю – если хочется, то в нашей стране можно творить все, что угодно. Сестричка вылетела из «Шифоньера» на шестом месяце беременности. Вместо Сюзанны взяли какую-то чрезвычайно полезную девочку – у нее родственник в областной администрации.

– Отвратительно.

– Теперь я – глава семьи, – вздохнул Глеб. – Кормлю сестру и племянника, полностью их обеспечиваю.

– А вот это настоящий мужской поступок. Ты молодец.

– Спасибо.
– Впрочем, тебе и платят немало – по триста тысяч за проект.
– Вижу, цифра тебя взволновала, – улыбнулся Глеб.
– Еще бы! Я таких денег в руках не держала.
– Могу успокоить – я тоже. Мне перечислили безналом.
– Ну, слава богу. Уже легче. А дальше? Какие еще проблемы?
– Дальше – самое печальное. Представляешь, какая-то сволочь стукнула предкам, что я... ну... в общем...

– Что?! – похолодела я от ужаса. – Расчленишь в подвале трупы бензопилой?

А с виду – такой милый парнишка!

– Нет. Лучше бы это.

– Глеб, не тяни. Колись скорее, у меня мороз по коже.

– Налей, пожалуйста, еще кофе.

Видимо, другу была необходима пауза. Он никак не решался признаться мне в чем-то страшном. Я впихнула дизайнеру в руки новую чашку, заодно осчастливила и себя. Эх! Раньше каждую порцию амброзии я сопровождала сигаретой, и как же это было здорово! Но теперь я не курю. Летом будет юбилей – год без никотина.

Никита безумно гордится своей малышкой.

Надеюсь, я не сорвусь.

И все-таки – какой же секрет собирается доверить мне Глеб?

– Понимаешь, кто-то настучал моим родителям, что я гей, – смущенно вымолвил наконец-то дизайнер. И тут же залился трогательным румянцем.

– Ты – гей?! – ошарашенно повторила я и внимательно оглядела друга.

Яркий, изумрудно-фиолетовый пуловер, узкие джинсы, заправленные в высокие сапоги, кожаный ремень с замысловатой пряжкой. На шее – длинный шнур с блестящим медальоном – его оттенок идеально сочетается и с пряжкой на ремне, и с кнопками на сапогах (это ж надо так умудриться!). Черная косая челка блестит, как вороново крыло, и падает на один глаз. Безупречная кожа отливает матовым загаром. Каждый ноготок отполирован и покрыт бесцветным лаком. Поза грациозна – и Майя Плисецкая не устроилась бы в кресле с большим изяществом!

Нет, я решительно не понимаю, почему кому-то взбрело в голову назвать Глеба гомосексуалистом!

Бред какой-то!

– Юлия, я не гей, – покачал головой Глеб.

– Как жаль! – вырвалось у меня.

– Почему?!

– Это же круто – девушка и ее голубой друг. Современно, модно! У Кэрри и Саманты из «Секса в большом городе» есть Стэнфорд. У Мадонны – Руперт Эверетт. А у меня был бы ты.

– Разве ты гоняешься за модой? Никогда не замечал. Ну, прости, что не оправдал надежд. Как бы то ни было, я не согласен сменить ориентацию в угоду твоему желанию стать модной штучкой.

– Да боже упаси! Но было бы славно. Представь, мы с тобой...

– Юлия, остановись. Я не гей. И точка.

– Ладно, ладно. Раз ты так сопротивляешься...

– Однако кинь грязь – что-то и прилипнет. До родителей дошли слухи. Мой отец – отставной военный. К тому же слегка грузин.

– Слегка?

– На четверть. И теперь представь его реакцию.

– Не представляю, – искренне призналась я и поежилась от страха. Мы же не Европа с ее политкорректностью и щепетильным заискиванием перед какими бы то ни было меньшин-

ствами – сексуальными, национальными. Тяжело представить чувства отставного военного, чьего слуха достигла подобная весть.

– Люди злы и завистливы. Да, я всегда хорошо одет, – Глеб поправил манжеты пуловера, – всегда ухожен. Всегда с прической и маникюром. – Друг вытянул вперед красивые руки и с удовольствием осмотрел их.

Я нервно спрятала за спину грабельки – вчера писала статью и нечаянно отцапала зубами три ногтя. А что делать? Курить-то нельзя.

Бли-и-и-и... Вспомнила.

Я же с утра еще ни разу не посмотрела в зеркало!!! Интересно, что у меня сейчас на голове?

– И у меня нет девушки.

– Да, Глеб. Я тоже только сейчас это осознала – у тебя же нет и никогда не было девушки.

– Ну, пару раз девушки были. Недолго.

– Не ври.

– Нет, честно! Были!

– Ты обманываешь.

– Юля! У меня была девушка... Одна... Потом еще одна... – Глеб скуксился, словно глотнул лимонного соку.

– Вот видишь. Тебе противны мы, девицы.

– Вы мне не противны!

– Я же вижу. Это все очень подозрительно.

– И ты туда же, Юля!

– Нет, ну просто... А как же секс?

– Знаешь, вот этот вопрос меня абсолютно не волнует!

Я задохнулась от изумления.

Его не волнует секс, его – здорового двадцативосьмилетнего парня! Почему же я, замшелая старушка, день и ночь витаю в облаке сладострастных грез, представляя, как займусь сексом с Никитой – пусть он только вернется домой, мой рыцарь! Я уж не растеряюсь. С процентами верну себе удовольствия, недополученные во время командировки любимого.

Нет, ну ясно. У Глеба есть масса других забот – он отслеживает мировые модные тенденции, рыщет по бутикам в поисках новинок. Вряд ли секс может составить конкуренцию этим умопомрачительно интересным занятиям.

– Ну и потом... Я же честно пытался! – вздохнул Глеб. – Приглашал их в гости. И что? Подумаешь, секс... Я не знаю. Переживания, возня и в конце концов взаимные претензии. И эти девушки... Они тут же все разбрасывают и захламляют. – Глеб брезгливо сморщился. – А ты ведь знаешь, как красиво у меня в квартире.

Да. Очень красиво.

Этот, как его... Модерн с примесью ар-деко. А до модерна был хай-тек. Или наоборот. Не важно. Главное – и тогда, и сейчас на диваны садиться нельзя. А уж сексом на них заниматься...

Я оглянулась на единственный в моей однокомнатной квартире диван, измочаленный нашими с Никитой акробатическими трюками, а также не раз уделанный пришлыми младенцами... Пора бы его поменять. Нужно что-то более устойчивое и просторное. Чтобы...

– Поэтому ты, Юля, должна меня спасти. А моих родителей уберечь от инфаркта.

– А?

– Не отвлекайся, пожалуйста. Послушай меня! Я пока не знаю, когда приедут мои родители. Точная дата неизвестна. Мама сейчас в санатории. Но они твердо обещали. И когда они приедут, Юль, ты сыграешь роль моей девушки.

– Е! – крикнула я. – Ты спятил. Роль твоей девушки!

– Чего ты испугалась?

– Да у меня же Никита!

– Ну и что! – разозлился Глеб. – Никите ты все объяснишь! И мы же не по-настоящему. Так, мозги предкам запудрить.

– Слушай, я балдею. Опомнись! Нам же не по шестнадцать лет! Мы взрослые, ответственные люди. И что ты мне предлагаешь? Устроить спектакль?

– Ну а как еще доказать родителям, что я нормальный парень?

А разве он нормальный?! Его же абсолютно не интересует секс. Да ему в клинике лечиться надо!

– Не знаю, – покачала я головой. Затея казалась мне по крайней мере странной.

– Ну, пообнимаемся, помаячим у них перед глазами вдвоем... Я буду нежно убирать у тебя с шеи волосы и массировать плечи. Ну, как это делают влюбленные.

– Ага, влюбленные гомики. Именно они так и делают. Если судить по фильмам, – хмыкнула я. – Только этим и занимаются. Уж если ты собрался изображать из себя крутого мачо, то оставь в покое мои плечи и для начала смени имидж.

– Да! – возбужденно воскликнул Глеб. Он выбрался из кресла и стал стремительно прохаживаться по комнате, каждый раз притормаживая у зеркала и поправляя челку или наряд. – Ты абсолютно права! Я думал об этом! Мне нужно выглядеть более брутально. Вот смотри, я отпущу легкую щетину. Хорошо, согласишься? Ну и поработаю с гардеробом. Прямые джинсы с эффектом застиранности, черный свитер, кожаная куртка с отделкой из волка – я уже приглядел такую. Абсолютно никаких украшений – ни-ка-ких!

– Разумно, – сказала я. – И еще забудь про шампунь. Не мой голову.

– Ты серьезно?

– Пару недель. Тебе это пойдет на пользу.

– Ужасно! Я только что прошел курс кератиновых масок! И что же? Теперь мои волосы погибнут?

– Они выживут, обещаю. И выкинь из ванной комнаты семьсот тридцать флаконов с бальзамами, скрабами и пенками, с помощью которых ты добиваешься исключительной гладкости кожи.

Глеб душераздирающе вздохнул – словно жертва, взобравшаяся на эшафот.

– А еще, мой друг, когда выйдешь на улицу, хорошенько поройся в клумбе.

– Зачем это?

– Чтобы привести ногти в порядок. Сделать их вид более жизненным.

Глеб задумчиво уставился на свои ногти. Наверное, прикидывал: а стоит ли игра таких неслыханных жертв – маникюр, волосы? Однако на другой чаше весов лежало душевное спокойствие и даже здоровье его родителей!

– Юля, значит, ты мне поможешь?

– Ладно, выкрутимся как-нибудь, – успокоила я несчастного.

Постоянно впрягаюсь в чужой воз.

Мало мне своих проблем?

– Я так тебе благодарен.

– Не благодари, я пока еще ничего не сделала. И потом, мы же не будем обманывать твоих родителей. Мы только слегка подкорректируем твой образ.

– Спасибо, Юля!

Я почему-то подумала о Фернанде Магеллане. Вот он стоит на палубе флагманского галеона «Виктория» и глядится в безбрежную гладь океана. Камзол потерт, выбивающаяся из-под него батистовая рубашка давно утратила белизну – какое нескончаемое путешествие! Обветренное лицо, иссеченное ливнями и солеными морскими брызгами. Он сжимает руку в кулак – горизонт пуст, а ветер слишком легок и несерьезен, чтобы надуть до барабанной дрожи

паруса и понести галеоны по волнам. Каменные скульпы, решительно сжатые губы и взгляд человека, имеющего цель и мечту и готового подчинить своей железной воле тысячи людей...

Вот он – мужчина!

Суровый, сильный и увлеченный.

А не это чудо в перьях – мой друг Глеб. Ни щетина, ни фальшивая подружка под боком не придадут мужественности этому томному метросексуалу... Но что же делать! Ведь надо подумать о его родителях.

По телефону я честно рассказываю Никите, чем заполнены мои будни. Например, пообедала в ресторане с Кунгуровым (директор агентства недвижимости «Супер-Сити»). Пила шардоне с боссом, закрывшись у него в кабинете. Сидела у Вити (сосед), пока тот устанавливал мне программу на ноутбук. Играла в боулинг с Вербиным (владелец телекоммуникационной компании). Ходила на семинар в мэрию по приглашению...

Нет. Просто ходила.

Это был семинар для владельцев малого бизнеса. Я увидела в мэрии массу знакомых лиц – учитывая, какое количество бизнесменов жаждет дать интервью журналу «Удачные покупки» и засветиться перед читателями...

Мои подробные отчеты перед Никитой – женская хитрость, щедро приправленная кокетством. Я помню слова Нонны: клуши, добровольно заточившие себя в курятнике, никого не интересуют. И поэтому ненавязчиво напоминаю Никите, что его крошка нарасхват у мужчин. И в его отсутствие вовсе не киснет от тоски, а живет полной, насыщенной жизнью. Да, он сильно рискует, надолго оставляя меня одну!

Правда, если разобраться, то выяснится: за ресторанным столиком кроме Кунгурова сидели еще две дамы из его фирмы, а боулинг с Вербиным был корпоративным мероприятием. Но опустим детали, кому они интересны? Да уж, открывая дверь, вовсе не приходится сдвигать в сторону штабеля из тел поклонников – выход из квартиры и так свободен. Но пусть Никита немного поревнует.

А на семинар в мэрию меня позвал Андрей Холмогоров. Но Никите об этом ни слова. Про Холмогорова я почему-то молчу.

– Я попыталась узнать, какой пост вы занимаете в мэрии, – призналась я моему новому знакомому после семинара.

Холмогоров немного помолчал, а затем напустил таинственности.

– А почему тебя это интересует?

– Просто вас нет на официальном сайте мэрии.

– Ну, сайт же не обновляется каждые две минуты. Возможно, сведения о моей персоне еще не внесли. Хорошо, что сказала. Я напомню программисту.

– Так вы недавно работаете в мэрии?

– Юлия, не слишком ли много вопросов?

– Профессия такая – везде совать свой нос.

– Очень хороший нос. Симпатичный. – С этими словами Холмогоров фамильярно щелкнул меня по хоботку.

Я попыталась возмутиться, однако не получилось: что бы ни делал Холмогоров, у него выходило так мило! Мне почему-то льстила его непосредственность в обращении со мной. Он словно обещал что-то такое, от чего сладко ныло сердце.

Не знаю что.

– Ладно, рассекречу данные. Работаю мелкой сошкой в департаменте социального развития.

– Мелкой сошкой? Почему-то не верится!

– Достаточно интимных вопросов, Юлия Бронникова. Я же не интересуюсь, в каком возрасте ты потеряла невинность.

– Тоже мне – тайна. Я ее вообще не теряла. Я девушка.

К чести Холмогорова, он удержался не только от гомерического хохота, но даже и от легкой ироничной улыбки. Что ж, так ведут себя настоящие джентльмены. Реальный джентльмен позволяет себе усомниться в словах леди только в том случае, если она, с трудом шамкая челюстью, признается, что ей двадцать пять. «Бог с вами! – тут же возразит джентльмен. – Девятнадцать, и ни минутой больше!»

– Чудесно, – сказал Холмогоров. – Значит, мне следует обращаться с тобой особенно бережно.

Что он имеет в виду?

...На днях Андрей Вадимович опять пригласил в мэрию – на торжественное вручение материнских сертификатов.

– Приходи, воробей, увидимся. Заодно, если захочешь, напишешь бодренький материалчик для местной прессы. О радужных демографических перспективах России.

А они очень радужные.

Несомненно.

Сертификаты с огромной помпой вручали молодым женщинам – с января начал действовать закон о материнском капитале. Особого восторга на лицах дам не читалось, скорее – удивление: наверное, они предпочли бы получить обещанные государством 250 тысяч рублей наличкой и сразу (а не с отсрочкой в три года) и тут же буйно стали бы тратить на памперсы, молочную смесь, ползунки.

– Ну а через три года точно дадут? – округлив глаза, шепотом поинтересовалась у меня одна из мамаш. Она убрала с порозовевшей от волнения щеки выбившуюся из прически рыжую прядь. На носу у юной мадонны толпились трогательные веснушки, а под глазами чернели круги от недосыпания. Одежда (несмотря на попытку выглядеть нарядно) свидетельствовала о жестокой бедности.

И как она решилась на второго ребенка?

Или даже на третьего?

Ведь материнский капитал за первого младенца не дают. Мы же не в Эмиратах, где при рождении детеныша государство сразу же открывает счет в банке и перечисляет на него десять тысяч долларов (недавно в газете вычитала). Зато у нас теперь дают сертификат! Тоже хорошо. Жаль, сразу использовать нельзя. А через три года, когда использовать будет можно, тоже особо не разгуляешься: потратить материнский капитал разрешается только на три определенные цели. В общем, как всегда, благодетельствовали народ, со слезами радости натужно раструблили об этом во всех СМИ, удивляясь собственной щедрости. А в результате – пшик.

Да, мы не в Эмиратах. Очевидно, у нас нефти поменьше. Мы не такие богатые, чтобы автоматически открывать банковские счета для каждого новорожденного.

– Как вы думаете, не обманут? – повторила рыжеволосая девушка. – Или как обычно? Ой, такие деньги огромные! – Она прерывисто вздохнула. – Я и не мечтала. Прямо в роддоме сказали: дадут, мол, когда родишь. Здорово! И знаете, так разволновалась! У меня срок рожать был в середине декабря. А деньги – только тем, кто в январе разродится. Ну, или позже. Короче, две недели лежала бревном на кровати, не вставала, вздохнуть боялась. Ребеночка уговаривала – ну, посиди еще, малыш, не торопись. А то хренушки нам с тобой, а не двести пятьдесят тысяч. Всей палатой мы так лежали. Опупели, если честно.

– А я рожала не за деньги, – презрительно скривила губки другая приглашенная в мэрию мамочка. Ее глаза сияли небесной синевой, их цвет подчеркивала яркая туника, расшитая по краям рукавов и подолу золотом и бисером (ах, Нонне бы очень понравилось!). – Даже непри-

ятно думать, что в моем желании родить второго ребенка кто-то увидит меркантильный интерес.

– Какой-какой интерес? – не поняла рыжеволосая девушка.

– Меркантильный, – повторила туника. – Надо страну сделать пригодной для жизни, а не кидать народу подачки. Точно-точно, именно так это и выглядит: словно собаке кинули подачку и тут же стали отгонять беднягу палкой – не трогай, мол, подожди три года...

Я посмотрела на Андрея Вадимовича. Он маячил на заднем плане, пока мэр города одаривал сертификатом и букетом хризантем следующую даму и расточал обаятельные улыбки. Сегодня Холмогоров был отнюдь не в ватнике – его костюм, подозреваю, стоил половину материнского капитала. Чиновник мэрии выглядел блестяще. Он давно избавился от богемной щетины, украшавшей его симпатичную физиономию во время лесного пикника. Твердый подбородок с ложбинкой, как у римского патриция, и красиво очерченный рот просились на рекламу дорогих сигар.

Стоп.

Нельзя засматриваться на посторонних мужчин!

Вечером Холмогоров завез меня домой на сверкающем служебном джипе, предупредительно распахнул дверцу и проводил до самого подъезда.

Не понимаю, почему я ни разу ни словом не обмолвилась Никите о знакомстве с этим типом?

Глава 4

Страсть к чужим беби

Услышав от соседей ее имя – Ева Анджевска, – я вмиг нарисовала себе пленительный образ польской пани, кроткой и загадочной. Мне представлялось нежное лицо, тронутое изумительным румянцем, в обрамлении светлых волнистых волос.

Не знаю, откуда такие фантазии.

Как позже выяснилось, ничего общего с реальностью воображаемая картинка не имела. Ева оказалась девушкой отнюдь не кроткой, а пробивной и хваткой. К тому же она была брюнеткой...

– Ты видела? – спросил сосед Виктор.

Мы столкнулись в подъезде. На улице бушевала февральская метель, мои щеки пылали, обожженные морозом, на ресницах таяли снежинки, изо рта шел пар, пальцы на руках и ногах ныли от холода. А программист, напротив, был сух и горяч – он еще только собирался нырнуть в ледяные объятия пурги.

– Ты видела, какая красотка заселилась на шестой этаж?

От Витиново вопроса меня разбил кратковременный паралич. Минуты две я не могла дышать и говорить.

Красотка?!

Мое удивление понятно. За несколько лет знакомства с программистом Витей он впервые подал знак, что осведомлен о разделении людей на два пола – мужской и женский. Более того, он сумел не только распознать гендерную принадлежность новой соседки, но и оценил ее внешние данные!

Невероятно!

А ведь мы плотно общаемся с Витей. Он скармливает софт моему компьютеру, я скармливаю программисту пельмени. Виктор фанатично увлечен работой, в его квартире перманентный продовольственный кризис. Юноша не знает, где находится ближайший супермаркет. Правда, сейчас он научился ловко заказывать пиццу по телефону и более-менее решил проблему. А раньше постоянно с воем пожарной сирены ломился в мою дверь и требовал пищи.

И ни разу – НИ РАЗУ! – не заметил, что у меня грудь, попа, или новые джинсы, или изменился цвет волос.

А тут...

– Представь, столкнулся с ней на лестнице, и она сразу же меня припахала, – сообщил Виктор. – Глазищи вот такие!

Программист сделал кружки указательным и большим пальцами и приставил к своим глазам. Остальные оттопыренные пальцы изображали, очевидно, лохматые, густые ресницы незнакомки.

– Красивые-красивые! А губы вот такие!

Витя выпятил вперед губищи, словно окунь.

Так, все понятно.

У Вити поехала крыша. А девица, наверное, обколола себе губы специальным препаратом – как это делают многие поп-звезды и телеведущие, добиваясь восхитительного эффекта надувных резиновых вареников.

– И как же она тебя припахала?

– Я ей вещи таскал, как нанятый. Она переезжала. Забегался словно бобик – вверх-вниз.

– Она что же, грузчиков не наняла?

– Какие там грузчики! Я понял – все ее знакомые помогли с переездом. Как же не помочь такой девушке.

– Какой?

– О-о, тако-о-ой... У нее однокомнатная, как у тебя. Только на шестом. Потом я еще ей комп подключал. Установил пару программ.

– Ясно, – сквозь зубы злобно прошипела я, страдая от ревности.

Кажется, мой карманный программист мне изменил.

Я сняла шапку и помотала головой, восстанавливая прическу.

– Юль, – завороченно уставился на меня Витя. – Ты это...

– Что?

Ну, ясно. Наконец-то дождусь хоть какого-то комплимента. Новая соседка пробудила нашего спящего красавца ото сна. Теперь он посмотрит вокруг и сообразит – рядом много симпатичных девчонок.

– Юль, ты косу, что ли, отрезала? – озадаченно спросил Витя.

Елки-палки.

– Пошел ты к черту! – рявкнула я.

– Я помню, у тебя была коса, – заупрямился Витя.

Угу, конечно.

А еще – жабры и копыта.

– Ты идиот. Дай пройти.

– Ну, иди, Юль, давай топай. Знаешь, у нее еще имя такое интересное... Ева.

– Я знаю. Мне уже соседи сообщили.

Ева Анджевска.

...– Эй, подождите, не захлопывайте! – проорала она мне в спину однажды в феврале. Вскоре после моего разговора с Витей.

Я придержала тяжелую железную дверь подъезда и оглянулась. Ева прыгала через ступеньки – одним локтем она прижимала к себе коробку, из которой торчали книги и настольная лампа, другим – карапуз в объемном голубом комбинезоне.

Осторожнее!

А если поскользнется и упадет? У нее же на руках ребенок! Интересно, как она вообще собиралась открыть дверь? И чем бы давила на кнопку вызова лифта?

Впрочем, не сомневаюсь – если б в этот момент у Евы еще стоял на голове тазик с бельем, она все равно бы справилась с ситуацией. Обязательно что-нибудь придумала бы.

– Вам помочь? – сочувственно поинтересовалась я, разглядывая малыша. Он болтался лицом вниз, не выказывая признаков раздражения или недовольства.

А его мама действительно красотка.

– О, спасибо! – воскликнула Ева. И тут же вручила мне и ребенка, и коробку.

Я думала, она ограничится одним предметом!

– Ой, вы тогда подождите, сейчас еще из машины продукты заберу.

Я осталась стоять с дитем и коробкой в руках, подпирая спиной железную дверь – не дай бог, захлопнется. Ева вернулась с двумя сотнями пакетов.

– Надеюсь, лифт работает, – сказала она. – Три недели, как переехала, а уже два раза пришлось таскаться пешком. А вы с какого этажа? Давно здесь живете? У меня однокомнатная, а у вас?..

Через неделю, поднимаясь к себе, я услышала надрывное завывание младенца. Забаррикадовавшись в квартире, я принялась за работу, но вопли ребенка проникали сквозь стены и мучили сердце. Пришлось оставить ноутбук, выйти на лестницу и, ориентируясь по звуку, достичь эпицентра пупсиковой трагедии. Конечно, вой доносился из квартиры новой обительницы нашего дома – Евы.

– О, приветик, – сказала она, распахивая дверь. Ее тяжелые темные волосы с каштановым отливом были живописно взлохмачены, шелковый халат надет наизнанку, взгляд – ополоумевший. – Слышишь, как верещит? И это продолжается уже четвертый час. Не знаю, что с ним делать...

Пацан попался своенравный. Когда через пару часов я вернулась домой, Никита меня не узнал.

– Привет, ты где была? Что за вид? Сдавала два километра брассом по асфальту? А что у тебя на футболке? Ты где-то нашла верблюда и вынудила его на тебя плюнуть? Запах ужасный.

– Возилась с чужим ребенком. Пыталась запихнуть в него бутылочку с молоком. Это у Евы на шестом этаже.

– А-а... Понятно. Ну а сейчас я не обижусь, если ты попытаешься запихнуть в меня ужин.

– Одну минутку!

– Юля, послушай.

– А?

– Главное – не приноси этого монстра к нам домой...

Как в воду глядел!

Через пару дней Ева нарисовалась на пороге в восемь утра, и на руке у нее сидел и весело пялился на меня Мишутка.

– Умоляю! Только до обеда! И я вернусь! Нянька, падла, не пришла! А мне на работу! Юля! Пожалуйста!

Восьмимесячный малыш обладал чудесной наружностью – пушистая челка, круглые глаза с загнутыми ресницами, розовые губки, которые он то оттопыривал, то вытягивал трубочкой, то использовал для волшебной процедуры – спуска на подбородок литра слюней. Сегодня он маскировался под ангела, был тих и умиротворен. Словно обещал: «Пусть пару дней назад, Юля, между мной, тобой и молочной бутылочкой много чего произошло – забудь! Сегодня все будет классно!»

Надо сказать, ни в обед, ни в сиесту, ни в восемь вечера милая соседка детеныша не забрала. Она нарисовалась в полночь и держала в одной руке зеленую бутылку шампанского, в другой – бордовую с золотом коробку дорогого французского коньяка.

Да уж, весьма кстати.

К этому моменту Мишутка сладко дрых на животе у Никиты, пропевшего монстру сто пятнадцать арий из Россини, а я сосредоточенно полировала на кухне штык-нож, намереваясь всадить его в сердце беспутной мамыши...

Стоит ли говорить, подкидывать мне ребенка быстро вошло у Евы в привычку! Я превратилась в аварийную няньку, так как все до одной бебиситтер сбежали от Евы стремительнее, чем бегут в Лондон олигархи, заметив косой взгляд президента...

С февраля по май я по крайней мере пятнадцать раз отказала Нонне, жаждавшей испить со мной кофе, покататься на роликах или поиграть в бильярд. (Да, мы и на роликах катаемся, две старые клячи. Не отказывать же себе в земных удовольствиях только из-за того, что мне уже за тридцать, а Нонне – за сорок и блестящие легинсы подруги, обтягивающие ее рубенсовские ляжки, вызывают ступор у более юных роллеров).

Из этих пятнадцати отказов как минимум двенадцать были на совести Евы.

– Извини, Нонночка, – обламывала я подругу по телефону в начале марта. – Сегодня никак. Мне детеныша подкинули. Сейчас буду выгуливать. Поедем на коляске в сквер.

– Ах нет, никак не могу, – стонала я в трубку через неделю. – У нас сегодня прививка. Потажимся в поликлинику.

– Прости, прости! – покаянно гнусавила я в середине апреля. – Увы, не выберусь. Мишутка температурит. Сбиваю нурофеном.

– Мать, ты в своем репертуаре, – заявила бизнес-леди, когда я попыталась в очередной раз убить ее отказом. – Ждите во дворе – ты и твой подкидыш. Сейчас заеду.

Нонна приехала на «лендкрузере» и отвезла себя, меня, Мишутку и коляску в лес. Там было чудесно! По широкой аллее мы углубились в лесной массив, это создавало иллюзию удаленности от задымленного мегаполиса. Городской шум растворился за высокими соснами. Березы и осины, еще не отогревшиеся после зимы, вздрагивали голыми черными ветками. По краям песчаной аллеи виднелись тут и там маленькие островки нерастаявшего снега. Неужели он так и пролежит до самого мая?

– Тебе надо научиться водить, – с назиданием сказала подруга. – Тогда ты с комфортом сможешь выгуливать чужих детей. Не во дворе, пропитанном выхлопными газами, а на природе.

– Да уж, – буркнула я. – А машину где возьму?

– Как – где? У Никиты. Пока он в разъездах – экспроприруешь его «лексус». Нечего автомобилю на стоянке пылиться.

– Так он мне и позволит.

– Ну, или купишь себе чего-нибудь.

– Угу.

– И вообще, Юля, ты наступаешь на все те же грабли.

– Умоляю, не начинай!

– У тебя опять подопечный. А зачем? Зачем привыкаешь к чужому ребенку? Сколько лет ты провозилась с Анечкой?

– Перестань!

– Нет, скажи! Сколько? Выращивала Аню с пеленок. Носилась с ней, как с собственным детенышем. А что получила в результате?

В результате получила фигу с маслом.

Ира, наша третья подруга, летом прошлого года отправилась в Европу на отдых и лечение. Они уехали всей семьей – включая трехлетнюю Иришину дочь Анюту, мужа-бизнесмена и свекра. Пообещали скоро вернуться. Однако умиротворенное существование вдали от родины так им понравилось, что в конце концов, покочесив по европейским странам, они осели на испанском побережье, в фешенебельной Марбелье, и теперь о возвращении речи не шло.

– Мы купили виллу, – радостно сообщила по телефону подруга. – О, Юля, тут такой рай.

– Но я страшно, невыносимо соскучилась по Анечке! – со слезами в голосе призналась я. – Да и по тебе немного.

– О, милая, – вздохнула Ириша. – Мы с Анечкой тоже ужасно по тебе соскучились. Но что же делать? Лев затеял тут бизнес. Аня ходит на танцы и рисование, ей очень нравится. Тут совершенно иная жизнь. Даже не представляю, как вернуться из этого рая к вам в город. Здесь – море, тишина, пальмы, покой, улыбки. У вас – машины, смрад, вонь, холод, хамство и столько всяких опасностей... Нет. Лучше ты к нам приедешь в гости. Хорошо? Сможешь купить авиабилет? Или я сама тебе его куплю...

...– Да, я все понимаю, – задумчиво произнесла Нонна. – Ты скучаешь по Анюте, поэтому и вцепилась мертвой хваткой в этого ребенка. – Она кивнула на коляску, из которой торчал чубчик, аппетитные щеки и два круглых хитрых глаза. – Впряглась. Пашешь нянькой за спасибо. Тратишь здоровье, нервы, время на чужого оболтуса.

– Ева – мать-одиночка. Должен ведь ей кто-то помочь, – беспомощно попыталась я оправдать свое бесчеловечное (по отношению к собственной персоне) поведение.

– То же самое ты говорила и о Ирине. Ира – мать-одиночка. Должен ей кто-то помочь! А Ирина нашла богатого мужика и укатила в Испанию.

– Я рада за нее. Она свое счастье заслужила!

– А ты? Дура ты, Юля. Тебя используют.

– Да, – легко согласилась я. – Но я тоже получаю удовольствие. Эти малыши такие сладкие. Мишутка уже научился обнимать меня за шею. Он пупсик.

– Дура, – убито покачала головой Нонна. – Тебе своего надо родить, и будешь играть до посинения.

– Не получается, – жалобно проняла я. – Разве я против? Но ничего не получается, хоть ты тресни!

В конце апреля господин Холмогоров пригласил меня на открытие детского спортивного центра. Мой мобильник заиграл Сороковую симфонию Моцарта (с тех пор как наши с Никитой судьбы завязаны гордиевым узлом, я превратилась в настоящего фаната классической музыки. А раньше не отличила бы Вагнера от Шопена. Позор! Сейчас, впрочем, тоже не отличу. Однако теперь замираю, как цирковой тюлень на банкетке, и мечтательно закатываю глаза, едва услышав первые аккорды рояля или воздушные вздохи скрипок – вот как вымуштровал меня Никита). Дисплей мобильного обозначил: «Холм».

Холмогоров, значит.

– Ты в курсе, что этот год объявлен ООН Годом физической культуры и спорта? – спросил он.

– Лучше бы его объявили годом всеобщего увеличения зарплаты, – задумчиво пробормотала я, рассматривая содержимое своего кошелька. Пятьдесят рублей восемьдесят три копейки.

Круто, да?

Я почти Рокфеллер.

И когда (а главное – на что?!!!) я умудрилась растратить зарплату и пять гонораров? И «Удачные покупки», и «Стильная леди» в прошлом месяце были одинаково щедры к своей сотруднице. Мне теперь даже не надо выплачивать ипотечный кредит – мама и брат пустили шапку по кругу и помогли бедной журналистке расплатиться за однокомнатную квартиру.

Избавившись от ежемесячных выплат по кредиту, я целых две недели чувствовала себя невероятной богачкой. Ведь высвободилась огромная сумма денег, ранее безжалостно пожираемая банком. Но мои запросы тут же автоматически увеличились, возникли какие-то незапланированные расходы, и вскоре я, как обычно, очутилась на мели.

Это мое любимое состояние.

– Юля, так ты придешь? – спросил Андрей Вадимович. – Напишешь статью о событии. Домой – подвезу.

Я не понимаю его поведения. Все страшно запутано. Холмогоров постоянно приглашает на всякие торжественные мероприятия и на них проявляет ко мне максимум внимания. Но, учитывая обстановку, общаться нам некогда – его рвут на части журналисты и коллеги, меня – мои знакомые. Возникает вопрос: почему бы не пригласить девицу в ресторан? Другие мои знакомые только так и делают! Вот там, в уединении, мы смогли бы наговориться от души. Холмогоров мне интересен, и он сам ко мне равнодушен. Я до сих пор вспоминаю, как Андрей Вадимович резво бежал рядом с лошастью в своем грязном ватнике, а я тряслась в седле и умирала от страха... Так почему же не встретиться в более интимной обстановке, а не на торжественном собрании по поводу открытия детского спортивного комплекса?

Вот нет же!

А говорят – женщину понять трудно. Мужчину – ничуть не легче!

– Нет, не могу, – ответила я Холмогорову. – Сегодня не получится. У меня другие планы...

Это был один из редких дней, когда Никита произвел посадку в родном городе и наконец-то мог уделить внимание своей истосковавшейся подруге. Мы прилипли друг к другу, как сиамские близнецы, и торопливо срывали плоды удовольствий.

Естественно, открытие спортивного комплекса прекрасно пройдет и без меня.

– Хмм, жаль, – вздохнул Андрей Вадимович. – Хотелось тебя увидеть...

Глава 5

Авторалли

После ледяного апреля наступил прохладный май. Солнце задумчиво сияло в прозрачно-голубом небе, но тепло его лучей сводилось на нет пронизывающим ветром. Почки на деревьях брызнули яркой зеленью, взрытые газоны жирно блестели влажной землей, дорожки во дворе были очерчены белыми полосками бордюров.

Я вывалилась из подъезда, шумно вздыхая. Весенняя усталость лишала сил. Хотя, возможно, обессилела я совсем от другого: на одной руке у меня сидел Мишутка, изо дня в день тяжелевший, другой я тащила коляску. Лифт опять не работал.

К одиннадцати утра моя биография уже обогатилась массой событий:

4.00 – едва добралась до кровати (сочиняла статью для «Стильной леди» о пользе лени. Привела массу аргументов в пользу расслабленного лежания на диване и прекрасного фар-нiente². Марго наверняка растерзала бы дочурку за такой провокационный опус!).

7.15 – проснулась в ужасе от короткого вопля мобильника. Это пришла эсэмэска от Никиты: «Я в Калининграде. Все ОК!»

7.20 – попыталась уснуть опять, но не получилось. С возрастом я сплю все меньше и меньше. Этот факт мог бы порадовать мою честолюбивую и амбициозную мамулю, но по роковой случайности Марго всегда звонит или появляется в гостях в те редкие минуты, когда я после двадцати часов ударной вахты все же решаю придавить щекой подушку.

7.50 – на меня напали! В квартиру вломилась как сумасшедшая Ева и впахнула мне в руки спящего Мишутку.

8.00 – ребенок проснулся, едва за его матерью захлопнулась дверь. И начал голосить.

8.30 – покормила младенца, помыла, поменяла памперс, поразвлекала, опять помыла, снова сменила памперс.

9.00 – мой завтрак. Я пила кофе и мечтала о сигарете, но пыталась отвлечься разглядыванием маленького симпатичного зверька, сидящего в люльке напротив и догрызающего пульт от телевизора.

9.30 – позвонила на сотовый Степану Даниловичу и сказала, чтобы наступление на 2-м Украинском фронте начинали без меня, а я сегодня поработаю дома.

– Прогульщица, – ласково пожурил босс. – Буду скучать. Но вообще-то, Юля, сегодня выходной.

Оба-на!

10.00 – мы начали собираться на прогулку. Одеть одновременно и себя, и младенца – не менее трудоемкое занятие, чем подготовить к дефиле толпу моделей. Девочки-модели, я думаю, даже если не умеют говорить, то хотя бы знаками показывают, что им надо в туалет. А мой милый друг испортил памперс уже на лестнице в подъезде – третий памперс за утро! Пришлось возвращаться.

11.00 – и вот мы на улице!

У меня нет сил.

Почему я позволяю Еве себя эксплуатировать?!

У новой знакомой роскошная внешность. Она красива, но это не пленительное очарование женщины-ребенка (как у Мерилин Монро или Роми Шнайдер), излучающее свет и радость, а яркая, но непроницаемая красота стервы. У нее карие глаза, внешние уголки которых убегают

² От far niente (*um.*) – ничего не делать.

к вискам, от этого Ева становится похожей на египетскую царицу – надменную и жестокую. Ее шикарные губы никогда не складываются в пухлое «сердечко», зато способны извергать ругательства – я уже слышала!

И ответьте: почему же так тянет к ней на шестой этаж?

Ева покорила меня в два счета. Ее воинствующая стервозность – для других. Со мной она тут же превратилась в пушистого котенка. Возможно, потому, что сразу почувствовала – я могу быть ей полезна. Но не хочется априори обвинять Еву в лицемерии и корыстолюбии. Она сильная и успешная и в то же время – беспомощная и неустроенная:

– у нее свой бизнес и есть деньги. Но за это она платит непомерную цену – занятие бизнесом полностью ее выматывает;

– у нее очаровательный ребенок. Но она его не видит;

– Ева красива, но одинока – рядом нет достойного мужчины. Вся ее личная история – сплошные разочарования...

Она, молодая мама, сразу начала спрашивать совета у своей бездетной соседки. Где это видано? Другие мамашки из нашего двора, конечно, с готовностью принимают мою помощь, всегда просят покараулить ребенка в песочнице. Однако комментариев по поводу их системы воспитания не приемлют категорически. «Ой, Юля, вот родишь своего, тогда поймешь, каково это быть матерью», – высокомерно поджав губки, отбрила меня однажды одна мымра...

А Ева сама просила совета, преданно слушала и едва ли не конспектировала. Я сразу возгордилась, почувствовала себя важной и значимой.

– А сколько тебе лет? – поинтересовалась Ева. – Тридцать один?! Ну-ка, не ври! Не может быть! Мне двадцать семь, но ты выглядишь гораздо моложе!

О! Нет, вы представляете?!

Услышать подобный комплимент от сногшибательной красотки, пленительной и свежей, как персик! Естественно, я мгновенно растаяла.

– Ты думаешь, я мерзкая мамашка, не способная хорошо заботиться о ребенке? Да, видимо, так оно и есть, – покаянно вздохнула Ева, когда я как-то раз зашла ее проведать.

В момент моего появления она ходила по комнате и зверски орала в телефон, поливая невидимого собеседника отборными ругательствами. Рваные шорты размером с носовой платок не скрывали стройных ног, трикотажная майка обтягивала прекрасный бюст. Мишутка сидел в углу в одном памперсе. На паркете между его толстеньких ножек громоздился большой пакет чипсов, и одну чипсину ребенок сладострастно обсасывал.

О, ужас!

Ему же только восемь месяцев!

С криком ирокеза я подскочила к младенцу, выхватила у него пакет, подняла малыша с пола и вытерла липкую кашу с подбородка.

Ева захлопнула мобильник и со вздохом посмотрела на меня.

– Наверное, не следовало давать ему чипсы, – виновато сказала она. – Блин, ну что я за курица! Родила ребенка, а что теперь с ним делать – не знаю! Юль, не возьмишь его завтра, а? У меня проблемы с санэпидстанцией, надо ехать к ним, разбираться. А я так и не нашла нянюку.

– Возьму, – коротко ответила я.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – закричала Ева. – Хотя в чем-то в жизни повезло.

– Что ты имеешь в виду?

– Я купила квартиру, и моей соседкой оказалась ты. Это фантастическая удача!

Я слегка покраснела от смущения и удовольствия.

Хотя в принципе она права. То же самое может сказать и сосед Виктор, съевший тонну сосисок и пельменей с моих рук. И соседка Евгения с двумя маленькими детьми – она тоже с удовольствием пользуется моей безотказностью.

Но и сами они всегда готовы прийти на помощь! Не надо думать обо мне как о полной дуре, всеми используемой.

Или так оно и есть?

– Ты что, грызешь ногти? – подозрительно осмотрела Ева мои грабельки.

– Да я ж курить бросила. Это нелегко, – начала оправдываться я.

– Ничего! Нарастим, – успокоила Ева. – Теперь у тебя будет самый роскошный маникюр, какой только можно себе представить. Вот, полюбуйся!

Ева вытянула вперед руки. Ее ногти завораживали взгляд – на темно-вишневой глянцевой поверхности сияли золотые росчерки и блестели фальшивые бриллианты.

Евина мама всю жизнь проработала маникюршей. А у дочери – два маникюрных бара.

Преемственность поколений!

Династия!

Мой мамусик была бы без ума от счастья, если б я не только повторила ее профессиональный путь, но и вывела бы семейное дело на новый уровень (как это сделала Ева). Правда, тогда мне необходимо было б стать, по крайней мере, владельцем транснациональной корпорации или председателем Центробанка. Потому что Маргарита Бронникова сама задала высокую планку – она крупный финансист, а не маникюрша.

– Маникюрный бар? – удивилась я, услышав о Евином бизнесе. – Как это?

– Ты что, никогда не была в «Бумеранге»? Не видела? На третьем и четвертом этажах. Такая стойка. Подходишь, садишься на высокий стул, как в баре, протягиваешь верхние конечности. Бац-бац! И у тебя суперманикюр.

– А-а... А это... Как у вас со стерилизацией инструментов? Ведь через маникюрные принадлежности передаются и гепатит С, и СПИД! – задохнулась я от страха.

Ева с подозрением уставилась на меня.

– Подруга, а ты, случайно, не агент санэпидстанции? Как же они меня задолбали!

... Теперь у меня всегда аккуратный французский маникюр. Я боюсь его грызть – вдруг намертво застрянет в зубах и придется удалять резцы...

Я усадила Мишутку в коляску, поправила ему шапочку, куртку и с опаской посмотрела на мрачное небо. На майские праздники опять шел снег. Зеленая листва и голубовато-белые сугробы – это, конечно, завораживающее сочетание. Однако хотелось бы ясности: мы дождемся в этом году лета или нет? В последний месяц весны не покидает мысль о шубе, я щедро наматываю на шею палантин. Но едва из-за туч появляется ослепительное солнце, становится жарко. Начинаешь раздеваться – и вот опять! Все небо затянуто облаками, и дует ледяной ветер. А что мне делать с Евиным сокровищем? В такую погоду ничего не стоит простудить ребенка...

Я толкала перед собой коляску и размышляла о наших отношениях с Марго. Несомненно, Еве с ее мамулей гораздо легче, чем мне с моей. Наверняка Евина родительница без ума от счастья – дочь выбилась в люди, она бизнесвумен. А я никогда не давала Марго повода для гордости. Все успехи, грандиозные с моей точки зрения, для нее являлись ничтожными. Кроме того, у мамы всегда был под рукой Сергей (мой старший брат), и именно на него Марго обрушивала лавину материнского восхищения и гордости. Уже в детстве я со смирением, удивительным для десятилетнего ребенка, отказалась от попыток конкуренции, рано уяснив себе: Сергей в любом случае все сделает лучше. Он умнее и одареннее. Он – сын, будущий мужчина. А я – так...

Брат действительно достоин подобных восторгов. Я и сама от него без ума. Марго упиивается целеустремленностью и амбициозностью сына, его деловой хваткой и умом. А я благодарна Сергею за то, что он всегда был для меня самым настоящим старшим братом – трепетно выгуливал сестричку во дворе, защищал от больших пацанов, вытирал нос, подтягивал колготки, водил в садик. И первую порцию мужских комплиментов своей внешности я услышала именно от него, а не от отца, которого мы не знали...

Теперь они вместе в столице – Марго и Сергей, вдали от меня. И почему-то перестали звонить. Раньше и дня не проходило без контролирующего звонка-окрика мамы: чем занимаешься, чего добила, что планируешь, куришь ли, заботишься ли о здоровье, почему до сих пор не беременна?!

А теперь звонки прекратились. Я словно в вакууме. И чувствую – мне не хватает этого тотального контроля, одергиваний, замечаний! Я словно звезда, возмущенная сначала преследованием, а затем – равнодушием папарацци: почему прекратили охоту, почему утратили интерес?

Ау! Где вы?!

К полудню я уже отбила десять атак молодых мамочек. Выходя из подъезда с коляской, они с радостным возгласом устремлялись ко мне и начинали звать на совместную прогулку.

А вот и нет!

Знаю я их. Они тут же с голодным взглядом шопоголика устремятся в сторону магазина, а меня оставят сторожить коляски с младенцами.

Мы чудесно погуляли с Мишуткой. Выглянуло солнце и радостно засияло в посветлевшем небе, потеплело, ветер стих. Во двор въехала «мазда» ослепительного канареечного цвета, и я узнала автомобиль Глеба. Это яркое и изящное изделие японского автопрома как нельзя более подходит дизайнеру, выражает его сущность. Точно так же мощный и сверхпроходимый «лендкрузер» Нонны соответствует ее характеру – моя подруга Нонна, поставив цель, прет как танк.

А какой автомобиль подошел бы мне?

Надо подумать.

– Юля, а ты-то когда родила? – озадачился Глеб, выбираясь из машины.

– Буквально на днях.

– О, классный карапуз. Размером с моего племянника. И прикид у него клевый. Где покупаете? Я племяшке привез из Милана целую коллекцию обалденных куртофанов.

Да, Еве не хватает на ребенка времени, однако денег на детеныша она не жалеет. Одна коляска чего стоит! Судя по цене, она сделана из материалов, используемых космической промышленностью.

Мишутка радостно и заворуженно уставился на яркую «мазду». «Ух ты! О-о-о! Круто!» – было написано на маленькой мордашке.

Глеб в преддверии визита родителей сосредоточенно работал над имиджем.

– Ну, как я тебе? – немного застенчиво поинтересовался он.

– Мне нравится, – восхищенно произнесла я.

Волосы дизайнера свисали засаленными паглами, подбородок и щеки почернели от щетины – все это придавало ему сходство с Антонио Бандерасом в боевике «Отчаянный». Из одежды – простые джинсы, обычная куртка. Никаких франтоватых сапог, шейных платков, браслетов и водолазок цвета электрик.

Неплохо!

– Покатаемся, красotka? – с непривычной интонацией и сверкая глазами, предложил Глеб и обнял меня за талию.

Я прыснула со смеху. Похоже, мой друг основательно и творчески осваивает роль мачо.

Так-то лучше!

Мишутка, увидев, что возлюбленная нянька смеется, тут же задрыгался в коляске и захихикал.

– Не, я серьезно. – Глеб убрал руку с моей талии. – Прокатить вас с ветерком? Мой племянник это обожает. У меня и детское кресло сзади есть. Коляску в багажник запихнем.

– Мишутка, хочешь прокатиться? – спросила я у ребенка.

Дитё задохнулось от восторга, гортанно забулькало, замурлыкало.

– Едем! – согласилась я.

– По дороге обсудим детали.

Через пятнадцать минут «мазда» уже скользила по шоссе на окраине города, справа отвесной стеной возвышался сосновый лес. Мишутка сидел в кресле, пристегнутый ремнями, как космонавт, и с интересом смотрел в окно. Я дала ему ванильный сухарик, и детеныш погрузился в nirvanу – тридцать три удовольствия обрушились на него: поездка в красивом автомобиле, интересное мельтешение за окном, сладкий сухарик.

Себе я тоже взяла один.

– Юля, а ты переедешь ко мне, пока родители будут здесь? – спросил Глеб, вылавливая мое отражение в зеркале заднего вида.

Я едва не подавилась сухарем.

– Совсем крышу снесло, Глеб?! Ты чего мне предлагаешь?!

– Юля! Ты же согласилась побыть моей девушкой.

– О переезде речи не шло.

– Тогда кто мне поверит?

– Ты даже сейчас уже выглядишь гораздо убедительнее, – успокоила я.

Стал больше похож на мужчину.

– Мне нелегко, – признался Глеб. – Я наступаю себе на горло.

– Продолжай в том же духе, и родители уедут домой успокоенными – с их мальчиком все в порядке.

– Все-таки, я думаю, будет лучше, если ты неделю поживешь у меня.

– А что я скажу Никите?

– Я сам ему все объясню. Как мужчина мужчине.

Мужчина мужчине?

Гениально!

– И как же ты ему объяснишь?

– Ну, типа... – начал Глеб, но замолчал и нахмурил лоб. Видимо, светлые мысли его покинули.

– Да, давай-ка, изобрази. Что ты скажешь Никите? Одолжи мне напрокат свою женщину, а то я настолько заигрался в метросексуала, что меня уже принимают за голубого. Именно это и говорят обычно мужики друг другу, когда собираются выпить пива с воблой.

– Фу, пиво с воблой, – брезгливо скривил рот Глеб. – Скажешь тоже...

Автомобиль летел по загородной трассе, вокруг расстились живописные зеленые поля, украшенные лесными островками.

– Слушай, а заедем сейчас к одному моему клиенту? Раз уж мы тут очутились. Я на сегодня с ним договоривался. У него роскошная усадьба. Я спальни ему передельваю. Хотите? Эй, пацан, хочешь по травке пошастать?

Пацан удивленно смотрел в окно.

– Да как-то неудобно, – засомневалась я. – Завалимся целой толпой. Я да еще и ребенок. Испугаем человека.

– Подумаешь! Мне только образцы шелка показать и прикинуть, как будет смотреться в комнате. Это депутат Воскресенский.

– Ха! Я ж его знаю.

– Да кто же его не знает, – пожал плечами Глеб. – Его рожа на каждом доме висит.

Это точно!

Накануне выборов в гордуму депутат Воскресенский украсил огромными плакатами со своей упитанной физиономией половину городских зданий. С них он пронзительно буравил взглядом избирателей и обещал восстановить справедливость. В чем именно и каким образом Воскресенский собирался восстановить справедливость, не уточнялось.

– Ну, раз вы знакомы, давай заглянем на пару минут. У него, кстати, белки, еноты и лошадки. Мой племян в восторге от всей этой живности – я уже возил его сюда на экскурсию. Считай – бесплатный зоопарк.

– Белки! Еноты! Лошадки! – загорелась я. – Давай поехали. Мишутка опупеет от счастья.

И я, наверное, тоже.

Глава 6

Вот и погуляли!

На одной из развилок мы съехали с трассы и вскоре оказались в коттеджном поселке. Глухие кирпичные стены возвышались справа и слева от дороги, они защищали личное пространство собственников дворцов и замков – мы словно ехали по тоннелю.

Глеб по телефону предупредил о нашем приезде.

– Антон Аркадьевич, – сказал он. – Я уже близко... Ага... Ага... Да... Ха-ха! Вы это... открывайте ворота, хорошо? Сломались? А-а... Ладно... Антон Аркадьевич, готовьте кастингу енотов. Везу благодарного зрителя, малюсенького такого, в памперсах... А? Нет, не племянник... Ну вот, – обратился ко мне дизайнер, – я предупредил Воскресенского.

– А про меня почему не сказал?

– Про тебя?.. А ты будешь, типа, сюрпризом.

– Вот еще. Да Воскресенский меня и не помнит вовсе.

– Ты так считаешь?

– Мы с ним и разговаривали-то всего пару раз на официальных приемах. Как бы он меня запомнил?

– А вдруг ты произвела на него неизгладимое впечатление?

Я с подозрением посмотрела на Глеба:

– Издеваешься? Я не отношусь к категории девушек, способных производить на мужчин неизгладимое впечатление.

– Однако у тебя масса знакомых, и девяносто процентов из них – мужики. Причем многие из них – известные в городе личности.

Хмм... Тонкое замечание.

Да, если подумать, так оно и есть. Издержки (или бонус?) профессии – постоянно вращаюсь в высших сферах. Вернее, вращаются, словно планеты, мои влиятельные и известные знакомые. А я мельтешу между ними, как метеорит.

– Да ладно, Юля, не парься! Воскресенский – мировой мужик. Он гостям всегда рад. И мы же только на минутку.

– Неудобно как-то без приглашения. Я думала, ты хотя бы по телефону спросишь, можно ли...

– Не гунди! – отрезал Глеб. – Мы уже приехали.

Ворота были открыты, «мазда» въехала на широкую площадку перед гаражом, выложенную плиткой – красные ромбы на белом фоне. Загородное поместье Воскресенского занимало обширную территорию, обнесенную монументальным, неприступным забором. Посреди бескрайних зеленых лужаек с вкраплениями красивых цветников возвышался двухэтажный особняк и неподалеку – еще несколько строений. Наверное, конюшня, домик для прислуги и крытый бассейн.

Что-то вроде того.

Я вытащила из авто Мишутку. Ребенок с интересом озирался.

– Антон Аркадьевич, мы тут! – помахал рукой Глеб.

Хозяин дома семафорил нам с террасы, он стоял у открытой двери, завернувшись в клетчатый плед. Ничего общего с плакатным Воскресенским – напудренным, прилизанным, с выверенным взглядом и горделиво поджатыми губами – в нем не было. Уютно-толстый дядька, крупный и фактурный, но слегка усталый, немного сонный и взъерошенный.

Никакого пафоса! Но так – гораздо лучше.

Похоже, Воскресенский ни капли не удивился, увидев свиту дизайнера – даму с дитем на руках.

– Ребята, идите сюда! – крикнул он. – Я сегодня здесь в абсолютном одиночестве. Да еще и ворота сломались, не закрываются. Сейчас жду техника, он обещал к пяти подъехать.

– Здравствуйте, Антон Аркадьевич! Не помните меня? Юлия Бронникова из журнала «Удачные покупки». Мы с вами несколько раз встре...

– Юленька! Здравствуйте! – тут же вспыхнул радостью депутат, так, словно с трудом дождался моего появления. Он ласково приобнял меня за плечи. – Конечно же помню, как не запомнить такую остроумную и очаровательную собеседницу!

Я слегка оторопела от подобного приема. Неужели Воскресенский всех гостей встречает таким же образом? Или это профессиональные увертки опытного политика?

– Спасибо за комплимент, – польщенно улыбнулась я. – У вас тут красиво, Антон Аркадьевич. Просто очень-очень. А воздух какой изумительный, не то что в городе. Хочется дышать полной грудью.

– Пользуйтесь моментом, – улыбнулся Воскресенский. – Юля, вы стали мамой? Прелестный малыш!

– Да, симпатичный, – согласилась я. – Но это не мой, соседский.

– А-а... Выручаете, наверное, подругу? А я, кстати, читаю ваши статьи в «Удачных покупках».

– Вы серьезно? – опешила я.

– Да. А что? Жена любит ваш журнал. Ну и я с ней заодно. У вас, Юля, великолепный стиль. Даже про бульдозер напишете так, что за душу возьмет.

– Спасибо, – растаяла я. – Приятно слышать. А я вас постоянно вижу по телевизору.

– Это естественно. Мне нельзя не быть в телевизоре, я же депутат, – засмеялся Воскресенский.

– А Глеб сказал, у вас еноты и белки?

– Не-а, не еноты, а барсуки. У меня тут целый зоопарк. Давайте покажу.

Воскресенский завязал плед узлом на груди и повел нас по дорожке в сторону конюшни. Сейчас, в домашней обстановке, не на публике, он был напрочь лишен помпезности, присущей политикам, не лопался от важности. И выглядел милым.

Толстые, по-свински откормленные барсуки, заключенные в клетку, привели Мишутку в невообразимый восторг. А белки с внимательными глазками-бусинками довели до экстаза...

Мы сели на диван в гигантском холле. Наверх вела великолепная деревянная лестница с перилами из кованых ажурных завитков. Мишутка подпрыгивал у меня на коленях, а Глеб достал из сумки образцы ткани.

– Антон Аркадьевич, пойдёмте наверх, посмотрим, как все это будет выглядеть в спальне.

Волшебный шелк в его руках переливался и играл под солнечными лучами, проникавшими в холл сквозь окна гигантских размеров.

– Глеб, куда ты так торопишься? Юля, вы спешите?

– Мы – нет, – ответила я за себя и Мишутку.

– Вот и славно! А не хотите снять куртки? Ребенок не взмокнет?

Отличная идея!

– Планируете оформить спальню в восточном стиле, – предположила я, разглядывая ткань.

– Ну, у меня их там несколько, – немного смущенно ответил Воскресенский и указал пальцем в потолок. – Три Глеб переделывает.

– И одна точно будет напоминать покои падишаха, – подтвердил дизайнер.

– Давайте-ка я угощу вас кофе, – хлопнул себя по лбу Воскресенский. – А вот этот краснощекий парень явно не откажется от сахарной печеньки.

Он собственноручно сварит нам кофе?

Чудеса!

Приятно наблюдать политика в домашней обстановке. Пусть уволит команду имиджмейкеров – они зря получают деньги. Воскресенский гораздо лучше образа, навязываемого ему этими ушлыми профессионалами.

Кофе, сваренный депутатом, был великолепен. Печенья, шоколада и джема он тоже не пожалел. А для Мишутки Воскресенский принес – чрезвычайно меня удивив – баночку сливового пюре и детскую ложку.

– Ха, я ж опытный дед, – объяснил Антон Аркадьевич. – Давай-ка, Юля, накорми эту хорошенькую козявку.

– У вас уже есть внуки? – удивился Глеб.

– Пока всего один.

– Вы – юный дедушка, – польстила я Воскресенскому.

Сколько же ему?

На листовках, призывавших на будущих выборах голосовать за депутата Воскресенского, указывался его возраст. Вроде бы немного за сорок. Сорок три, наверное.

– Глеб, а ты как-то изменился, – заметил депутат. – Выглядишь... м-м-м... более мужественно. Тебе идет.

Дизайнер зарделся. А я подумала о том, насколько Воскресенский – профессиональный политик – поднаторел в искусстве оболъщения. Он делает это чисто машинально! Меня он сразил демократичностью манер и вниманием к карапузу. Глеб тоже услышал от Воскресенского самый желанный комплимент – о мужественности, появившейся в облике дизайнера. Бедняга приложил массу усилий, пытаясь выглядеть брутально, а не изнеженно, и депутат сразу это отметил...

Внезапно на улице раздался шум мотора и визг тормозов. Видимо, кто-то лихо вторгся на депутатскую территорию – так как сломанные ворота оставались распахнутыми настежь.

Воскресенский удивленно и встревоженно замер, потом вскочил с дивана и устремился к выходу. Следом помчался обеспокоенный Глеб – ах, не повредили ли нежданные гости его ласточку – «мазду»?

– Надеюсь, это не бойцы ОМОНа? – сюсюкая, сказала я Мишутке и вытерла бумажной салфеткой мордочку, перепачканную сливовым пюре. – Надеюсь, этот симпатичный толстый дяденька-депутат честным путем заработал денежки на скромную хижину и на славных жирных барсучков?

Услышав про барсуков, Мишутка радостно загугукал. Словно понял. Хотя, наверное, понял. Потому что для наглядности я скорчила рожу – сморщила нос, выставила вперед два передних зуба.

– Да... Надеюсь, сейчас сюда не ворвутся парни с автоматами, в черных масках и бронжилетах? Как ты думаешь, малыш? Ведь могут, могут... Если задуматься, честным путем на такие хоромы не заработаешь. Правда, Мишутка?

– Ы-ы-ы, – довольно заявил младенец и выпустил слюни на подбородок.

– А вдруг? Мы с тобой, моя малявочка, знаем: депутаты нашей гордумы выполняют свои обязанности на неосвобожденной основе. Ты знаешь эту формулировку – на неосвобожденной основе?

– Гумм-гумм-ллииллии...

– Нет? Я тебе объясню. Это когда... Когда основа неосвобожденная. Так звучит понятней, да? Значит, наш милый, славный, демократичный толстячок владеет какой-нибудь фирмой, приносящей немислимые доходы. Колоссальные, грандиозные, жуткие доходы... Не знаю, чем он там занимается...

– Нняньн-ммуммм...

– Но возможно, на коттеджик и домашний скот господин депутат заработал вполне честно. Фирма у него крутая, тебе понятно, малыш? Фирмочка. Возможно, она приносит миллион-другой. Ежемесячно! Это классно. Ах, Мишутка, вот если бы у меня...

Я не успела закончить речь. Странные звуки, молниеносно квалифицированные мною как пистолетные выстрелы, заставили лоб покрыться испариной, а спину – липким потом. Одновременно с выстрелами раздался придушенный вой, вскрики и топот.

Оледенев от ужаса, я приткнула пацана в угол дивана, придавила его подушкой, чтобы не уполз, а сама метнулась к окну. Черный джип с номерами, заляпанными грязью, криво и косо заехав во двор, остановился прямо на газоне у забора. Тенью промелькнуло несколько фигур. Это были не бойцы ОМОНа – гораздо хуже! Крепкие парни в одинаковых черных куртках. И они явно были вооружены!

Нет, только не это...

Да. Похоже, мы влипли... Посмотрели бесплатный зоопарк, спасибочки. И нарвались на вооруженный десант. А у меня на руках чужой ребенок! Я головой за него отвечаю!

На ватных ногах я вернулась к дивану и лихорадочно принялась натягивать на себя ветровку, а на ребенка – его куртку. Мишутка удивленно таращился, не понимая, почему у меня такое странное лицо – слегка перекошенное, с бешеными глазами.

Это от ужаса, милый.

– Давай, давай скорее, – торопила я младенца. Он, как назло, сопротивлялся, вырывал ручку. – Нам надо или убежать отсюда, или надежно спрятаться. Не хочу получить шальную пулю. Кто тогда доставит тебя домой и сдаст мамочке в целости и сохранности? Где же Глеб?! Где этот подлый дизайнер? Привез нас, скотина, в эпицентр военных действий, а сам смылся!

Подхватив Мишутку, я подбежала к двери. Она в тот же момент распахнулась, и на меня буквально свалился окровавленный Воскресенский. Он зажимал руками бок.

– Юля, сюда, скорее, – прохрипел он и довольно резво для раненого побежал по коридору к лестнице. – Быстрой, умоляю тебя, быстрой!

Ребенок испуганно захныкал. Я вслед за хромящим депутатом взбиралась по лестнице. Почти уже наверху Воскресенский обессиленно повис на перилах, его лицо посерело, из горла рвалось какое-то бульканье и свист.

– Антон Аркадьевич, что происходит?!

– Сюда, Юля, скорее!

Мы ввалились в кабинет, Воскресенский повернул защелку на двери, а потом, задыхаясь и зеленея, сполз на ковер и скрючился в позе эмбриона, подтянув колени к животу. Между пальцев сочилась кровь, пропитывая одежду. Я в ужасе смотрела на него, Мишутка начал тихо покусывать мне прямо в ухо.

– Антон Аркадьевич, что случилось? Кто эти парни? Подождите, я сейчас вызову милицию и «скорую».

Проклятье!

Я оставила сумку с телефоном в машине!

– Юля, – прохрипел Воскресенский, – не трать время... милицию не надо... у меня свои счета... свои счета с этими... мужиками... Ты... возьми кейс... видишь, на столе... лежит... Возьми его, умоляю...

Под ним на ковре расплзлось темное пятно. Он хватал воздух губами и со свистом выталкивал его обратно. Я опустилась на колени рядом с Воскресенским и осторожно положила ладонь на его плечо. По телу раненого пробегали судороги, глаза закатывались.

Жуткое зрелище!

Ребенок орал от страха, уткнувшись носом мне в шею, я крепко прижимала Мишутку к себе свободной рукой и сама еле сдерживала слезы и подступающую к горлу тошноту. Впервые у меня на глазах умирал человек, а я не знала, чем ему помочь...

– Антон Аркадьевич, миленький, – всхлипнула я, – пожалуйста... Мы сейчас что-то придумаем... Пожалуйста, не умирайте!

– Юля, открой шкаф... – с трудом прохрипел Воскресенский, – там дверь... Пройдешь в спальню... потом в коридор... потом вниз по лестнице на кухню... там черный ход... Беги к барсукам... слева от клеток... за деревьями... за деревьями калитка...

– Антон Аркадьевич, бедненький, не умирайте! Где тут у вас телефон, надо вызвать «скорую»!!! – заголосила я.

– Юля, да послушай же ты! – из последних сил прорычал Воскресенский и тут же скривился от боли. – Возьми кейс... Ты должна его передать... Это страшный человек... Он контролирует все... почти все в нашем... в нашем городе... Ты должна передать... Обещаешь?

– Антон Арка...

– Юля, обещаешь?!!

– Да!

– Я очень тебя... прошу... Если не отдашь кейс, он истребит всю мою... всю семью...

– Кто?!

– И жену, и детей... Сначала поставит... поставит на счетчик... поэтому обязательно отдай кейс... иначе включится счетчик... Ты понимаешь?... Умоляю тебя... Там деньги, много денег... это страшный человек... он многие процессы... контролирует... отдай ему...

– Кому?!!! – заорала я.

Напуганный Мишутка вопил как резаный. За дверью на лестнице слышался топот, хлопали двери, раздавались голоса. Меня трясло от страха, Воскресенский хрипел на полу.

– Запомни код... девять... шесть... три, пять, один... ноль... семь, четыре, четыре... Запомнила? Отдай кейс...

– Девять-шесть-три-пять-один-сколько?!!!! – заорала я сквозь слезы.

Мишутка голосил в полную мощь легких, дверь кабинета содрогалась от могучих ударов.

– Девять-шесть-три-пять-один! А дальше что?!

– Юля, милая, ради всего... святого... – почти неслышно прошептал Воскресенский, – умоляю... отдай этот кейс... У тебя всего... пять дней... Но лучше... прямо сегодня... Умоляю... Жизнь моих детей... вся моя семья... ноль, семь, две четверки... Это Андрей прррххх...

– Андрей?! Какой Андрей?! Фамилия у него какая?! Я не расслышала! Да Антон Аркадьевич же!

Воскресенский отключился, ткнувшись лицом в ковер. Я беспомощно посмотрела на его растерзанную фигуру, затем – на дверь, вздрагивающую при каждом ударе... В комнату вот-вот могли ворваться вооруженные бандиты. Размышлять было некогда, оплакивать бедного депутата – тоже.

Во-первых, я головой отвечала за ребенка и должна была вернуть его матери точно в том же состоянии, в каком получила утром. Во-вторых, умирающий Воскресенский взвалил на меня непосильную ношу: ответственность за судьбу своей семьи.

Весело, ничего не скажешь!

Я подскочила к столу, схватила черный чемоданчик и ринулась к шкафу. Отодвинув влево створку и внедрившись между вешалок с одеждой, я обнаружила, как и обещал депутат, еще одну дверь. Нелегко, между прочим, оперировать конечностями, на одной из которых сидит дитё весом в тонну, а другая держит увесистый чемодан! Но я справилась – открыла дверь и проникла в другую комнату.

Необходимость действовать вернула меня в чувство. Слезы высохли, тошнота отступила. Я была готова стать каскадером и совершить невероятный трюк, лишь бы выбраться из этого страшного дома.

– Малыш, прошу, замолчи, – умоляюще прошептала я ребенку, целуя его в лоб и макушку. – Если ты будешь вопить, нас в два счета вычислят плохие дяди. Поймают и надают

по мордасам. Но это лучший вариант. А в худшем случае нас пристрелят, как нежелательных свидетелей. Ну уж меня – точно. Ты же не хочешь, чтобы тетю Юлю грохнули? Как ты без меня доберешься до дому, а?

Ребенок меня понял! Он замолчал. Наверное, я была убедительна.

Мысленно сверяясь с указаниями, полученными от раненого депутата, я преодолела весь путь и очутилась у черного входа. Покрутив замок, осторожно открыла дверь. За спиной, в доме, продолжали перебрасываться короткими фразами налетчики, они шумели на лестнице и на втором этаже.

Мы с младенцем выскользнули на улицу. Озираясь по сторонам, я рысцой побежала к конюшне. И уже увидела сквозь деревья спасительную калитку, как в страхе отпрянула: прямо к клеткам с барсуками направлялся один из захватчиков, огромный светловолосый парень в черной куртке. Совершив невероятное – тройной прыжок с ребенком и кейсом в руках, – я приземлилась за живой изгородью и сквозь ветки кустарника стала наблюдать за головорезом.

Он постоял немного рядом с барсуками, похлопал по решетке, сообщил животным, что они разжирели, как свиньи, а затем повернулся и направился к дому. Через минуту путь был свободен! И мы наконец-то выбрались за пределы депутатских владений.

О, счастье!

Калитка вывела совсем на другую улицу – очевидно, параллельную той, откуда мы заезжали во двор. Я повертела головой, соображая, куда бежать. Но в тот же момент сжалась от страха, услышав за спиной скрип тормозов.

– Юля! Быстро в машину! – крикнул мне Глеб. Это были дизайнер и его канареечная «мазда».

Он не бросил нас в беде!

– Я пятьсот раз тебе звонил! Почему ты не отвечала?

– Глеб, моя сумка осталась в машине! И телефон в ней.

– Ах, это он, значит, играл. А я-то подумал, у меня тут что-то сломалось – пищит и пищит!

– Не пищит. Это Моцарт, – всхлипнула я и зарыдала.

– Ну, не расстраивайся. Хорошо, не пищит, а булькает.

– Не булькает!

– Ладно, не обижайся, я не хотел обидеть твоего Моцарта! Не реагируй так нервно!

– Глеб, ты больной?! При чем здесь Моцарт! Воскресенского убили! Прямо у меня на глазах!

– Убили?! – ошарашенно повторил Глеб. – Ах, боже мой! Вот несчастье. Он был таким выгодным клиентом.

Мы выехали на шоссе и помчались в сторону города. Я судорожно давила на кнопки мобильного и захлебывалась слезами.

– Что ты делаешь?

– Звоню в милицию.

– Юля, перестань.

– ?!

– Думаю, нам не следует в это вмешиваться.

– Как это?

– А так. Лучше, если никто не узнает, что мы были у Воскресенского. Тебя видели эти бандюганы?

– Нет.

– И меня тоже. Они бросились за депутатом, а я проскочил к машине.

– Но вдруг Воскресенскому еще можно помочь?

– Чем ему поможешь? Ты же сказала – его убили! Нам свою шкуру надо спасти. Вот ты звонишь в милицию. Зачем, Юля?!

Да, зачем?

Возможно, я даже дозвонюсь. И наверное, сумею убедить дежурного, что вменяема. И моя речь – не бред сумасшедшей, не страшный сон, а пересказ реальных событий.

Что дальше?

– Хочешь поработать свидетельницей? – подсказал Глеб. – Будешь давать показания, поможешь составить фоторобот бандитов? Да, Юля?

Да.

А бандиты, в свою очередь, нарисуют мой фоторобот, узнают адрес, биографию, сексуальные предпочтения... И они, полагаю, будут действовать гораздо оперативнее правоохранительных органов. Мафия почему-то всегда расторопнее милиции.

– Мечтаешь стать свидетелем? – повторил Глеб, оторвав взгляд от дороги и обернувшись ко мне.

– Все нет, – в отчаянии пробормотала я.

– Я тоже не хочу. Поэтому спрячь телефон.

Я послушно спрятала в сумку мобильник. Как мне самой в голову не пришло все это?.. Ну надо же. Глеб, если захочет, соображает. А я-то воспринимала его всерьез лишь тогда, когда речь шла о сочетаемости шмоток в гардеробе. Во всех остальных вопросах, полагала я, мой друг абсолютно не смыслит.

Выходит – ошибалась.

– Глеб, ты, что ли, умный?

– Скорее – опытный. У меня все клиенты – фантастические богачи. А у них не жизнь, а сплошной триллер. Думаешь, я первый раз попал в перестрелку? Да, неприятные ощущения. Тут главное вовремя смыться. Что мы сейчас и делаем.

А я – самая настоящая дура! Ну зачем я согласилась прокатиться на автомобиле Глеба?! Раз у него такие опасные клиенты – пусть сам наслаждается общением с ними. Ему за это платят баснословные гонорары. А я гуляла бы с коляской в сквере – и никуда бы не вмешивалась. И не подвергала бы чудовищному риску жизнь Мишутки. Да и свою тоже...

Серое лицо агонизирующего Воскресенского стояло перед глазами. Ребенок, измученный многообразием впечатлений, спал и временами вскрикивал во сне.

Довела бедняжку, негодяйка!

– А Воскресенский мне еще кейс успел отдать.

Я посмотрела на черный чемоданчик. Компактный, размером с мой ноутбук, но в три раза толще, кейс лежал на сиденье. Он был сделан из матового черного металла, рядом с твердой пластиковой ручкой располагалась панель с кнопками. Видимо, именно с их помощью и вводился код.

Код?! О нет... Я забыла код!

– Кажется, я забыла код, – прошептала я.

Пожилая дама-фармацевт внимательно посмотрела на меня поверх очков.

Что-то не так?

Я просто попросила Глеба высадить нас с Мишуткой у ближайшей к дому аптеки и попыталась купить литр корвалола и два килограмма валерьянки в таблетках. Пока мой заказ напряженно обрабатывался мозгом фармацевтки, я нервно катала туда-сюда коляску, беспощадно грызла французский маникюр и зло поглядывала на кейс. Измученный ребенок все еще спал. Он не проснулся даже тогда, когда я вытаскивала его из автокресла и устраивала в коляске.

– А вы грудью не кормите? – спросила дама, покосившись на спящего ребенка.

– У меня вообще нет груди, – зло буркнула я.

75В – это не грудь, а лишь тонкий намек на нее.

Даже до объема бедер не дотягивает!

– Возьмите лучше вот это, – сочувственно сказала фармацевт и указала пальцем на плакат, рекламирующий чудодейственное средство для психов. – Дороговато, но эффективно. Берете?

– Дайте пять упаковок, – быстро сказала я. – И настойку пустырника. Десять флаконов. Аптекарша покачала головой, вздохнула и пробила чек.

...– Юля, все в порядке? – спросила Ева, принимая спящего сына. – Ты выглядишь немного странно.

– Все нормально. Просто мы слегка загулялись. Твой ребенок вел себя отлично.

Глава 7

Зато со мной не скучно

Зеленые таблетки, рекомендованные мне в аптеке, на самом деле работали. Я ими поужинала, а на следующее утро еще и позавтракала, отполировав все настойкой пустырника.

Ах, еще бы сигарету!

Нонна, вызванная в качестве реаниматолога, беззастенчиво дымила в кресле, оправдываясь тем, что курение якобы стимулирует мыслительный процесс.

Конечно стимулирует! Я, например, заметно отупела с тех пор, как бросила курить. Вот если б курила, то не имела бы в анамнезе труп Воскресенского и вырванное у меня обещание спасти семью депутата.

Как я их спасу? Я же не знаю, кому нести этот чертов чемоданище!

– А чем у тебя пахнет? Алкоголем? – спросила Нонна. – Ты напилась, что ли, с горя?

– Не-а, – икнула я. – Лекарства принимаю. От нервов. Иначе не выживу.

– Сколько же там денег, – задумчиво прищурилась Нонна и помахала рукой, отгоняя дым. – Как ты думаешь?

Я пожалала плечами. Не так-то часто меня используют в качестве курьера для доставки крупных сумм денег. Зато более ценный груз доверяют постоянно – имею в виду младенцев. Все время таскаю на себе чье-нибудь неподъемное сокровище. Три года возилась с Иришиной Анютой. Теперь переключилась на Мишутку.

А чемодан с купюрами – это для меня новый опыт.

Нонна подняла черный кейс и взвесила его в руке.

– М-да... Если в евро прикинуть... – пробормотала она. – Ну, купюрами по пятьсот, по пятьдесят тысяч в пачке... Пачек десять вполне поместится. Юля! Получается – полмиллиона евро!

– Я-то думала, в вечерних новостях сообщат, – перебила я подругу. – Скажут: мы только что получили известие о налете на загородный дом депутата Воскресенского. В результате перестрелки депутат получил ранения, несовместимые с жизнью.

– Иными словами – скопытился, – резюмировала Нонна. – Юля, тут, наверное, полмиллиона евро!

– Но ни в вечернем, ни в утреннем выпусках, ни на одном информационном сайте ничего не было. Почему? Наши местные журналисты прохлопали горячую новость?

– Или решили не пускать эту новость в эфир. Юля, пятьсот тысяч евро, ты слышишь меня?!

– Воскресенский сказал, что у него свои счета с этими бандитами, – задумчиво произнесла я. – Кто же это мог быть? Я посмотрела в Интернете, у Воскресенского была фирма, торгующая промышленными маслами. Как ты думаешь, это серьезный бизнес, не игрушки? Тогда, возможно, на него наехали конкуренты... Или политические соперники? На носу выборы в гордуму. Туда многие хотят прорваться... Кто натравил на депутата парней в черных куртках? Кто? Как ты думаешь, Нонна? Да перестань же курить! Мне ведь нельзя! А ты провоцируешь!

– Я не провоцирую. Просто без сигареты у меня сердце остановится. Тут полмиллиона евро, а ты не реагируешь.

– Какие полмиллиона?

– Обычные. Бумажками по пятьсот евро.

– Нонна! Да какая нам разница?

– Юль, вообще-то это немалые деньги!

Я вздохнула и с грустью посмотрела на Нонну. Мне вдруг стало ее невыносимо жаль. Еще два года назад она являлась процветающей бизнес-леди, собственницей сети продуктовых магазинов «Колибри». Подруга ворочала фантастическими деньгами, пока муж, карточный игрок, не разорил ее дотла. И вот теперь она с замиранием сердца говорит о ничтожной сумме в полмиллиона евро! По российским меркам – это ж не деньги, а так – курам на смех.

К тому же я должна их отдать.

В течение пяти дней.

Пока не включился счетчик.

Почему же сообщение об убийстве Воскресенского не прошло в эфир? Накануне городских выборов решили не будоражить общественность? А есть ли вообще обывателям дело до одного из «народных избранников»? Пусть плакат с физиономией Воскресенского висит на каждом доме, однако для простого народа он никакой не «избранник», а представитель снующей толпы политиканов, застолбивших себе местечко в органах управления или из жадности власти, или для того, чтобы оптимизировать свои занятия бизнесом. Или и первое, и второе вместе.

А мне он понравился. Симпатичный дядька. Но наше знакомство было предельно поверхностным. Нет дыма без огня. Почему-то хочется верить – бандиты с автоматами не вваливаются в дом случайно.

Нет, в нашей стране, конечно, все бывает.

Но Воскресенский сам признался, что с налетчиками у него особые счета. Получается, у него тоже рыльце в пуху.

– Июль, о чем задумалась? Давай откроем кейс и полюбуемся на наше богатство.

– Код не помню, – мрачно сообщила я. – Я же тебе говорила!

– Существуют альтернативные методы вскрытия. Неси молоток, – распорядилась Нонна.

– Ты что, сдурела?! – взвилась я. – Какой молоток?!

– Обычный. У Никиты обязательно где-то должен быть и молоток, и плоскогубцы, и отвертка. Он же у тебя хозяйственный парнишка. Иди поройся в шкафчике и тащи все сюда.

– Какой молоток! Какие плоскогубцы! – заорала я. – Нонна!

– А что? Мы сейчас вмиг расколошматим эту черную лоханку и добудем наши денежки.

– Это не наши денежки, Нонна, – напомнила я. – Понимаешь? Следи за артикуляцией – НЕ НАШИ!

– Девочка моя! – всплеснула руками Нонна. – Я ж и не претендую. Но мы их прокрутим! Быстренько, оперативненько! Ты забыла, с кем имеешь дело?

– Нет, я помню. Ты крутая бизнесвумен. У тебя мозги работают в одном направлении – как из тысячи сделать миллион.

– Ну и вот.

– Но деньги я тебе не отдам. Я их должна передать из рук в руки.

– Кому? – насмешливо посмотрела на меня Нонна. – Кому ты должна их передать?

– Андрею, – чуть слышно буркнула я.

– Кому-кому? – издеваясь, повторила Нонна. – Не слышу! Алло, Чукотка! Ничего не слышно!

– Андрею, – еще более тихо прошептала я.

– Андрей! Чудесно! Ну, неси чемоданчик Андрею, родная моя. Сколько у тебя знакомых с именем Андрей?

Я призадумалась. И думала довольно продолжительное время. Почти как девица из анекдота, на пять дней впавшая в прострацию от вопроса, с каким по счету партнером она сейчас занимается любовью.

Насчитала человек двадцать. Нет, не сексуальных партнеров, а просто знакомых мужиков с именем Андрей... Плюс кокер-спаниель по кличке Эндрю и хомяк Адриано.

– Где-то двадцать, – призналась я. – Включая Андрея Вадимовича Холмогорова.
– Вот-вот. А у меня и того больше, – крикнула Нонна. – И что ты будешь делать?
– Мы с тобой должны вычислить, какого Андрея имел в виду Воскресенский, – обрадовалась я подругу. – Будем сидеть и думать. Обязательно вычислим. Ну, привлечем кого-нибудь для консультации. Воскресенский сказал, это очень влиятельный, могущественный человек, контролирующий все процессы в нашем городе.

– А кому ты еще рассказала о кейсе? – небрежно поинтересовалась Нонна.

– Глебу, конечно. Пока мы ехали обратно.

– Хм... Вот это зря.

– Почему?

– Глеб – ненадежный товарищ. Глупец, болтушка и павлин. Разнесет по всему городу...

А так было бы славно – ты, я, полмиллиона евро, и точка. Да, жаль... Ты действительно не хочешь прокрутить деньги? Сколько дней у нас в запасе?

– Пять. Нет, Нонна, нет!

– За пять дней я смогла бы наварить с пятисот тысяч... – Нонна прищурилась, подсчитывая в уме потенциальный барыш.

– Даже не говори об этом! Я обязана вернуть деньги как можно быстрее. Пока не включили счетчик.

– Да, счетчик – это серьезно.

– И мы сумеем вычислить этого Андрея, слышишь, сумеем!

– Мне нравится твой оптимизм. Ну, как знаешь. Нет так нет. Тебе виднее. Хорошо, давай забудем о том, как шикарно мы могли бы обогатиться за эти пять дней. И начнем искать крестного отца местной мафии по имени Андрей...

Не важно, зарегистрирован официально ваш брак или он называется гражданским, свекровь вам полагается в любом случае. Лана Александровна стала для меня замечательным бонусом к знакомству с Никитой. Теперь эта удивительная женщина украшает мою жизнь и дарит массу приятных моментов. Слава богу, наши с ней квартиры находятся в достаточном удалении друг от друга, и я избавлена от счастья ежедневно внимать тонким замечаниям Ланы Александровны.

– А это наша очаровательная Юля, – представляет меня свекровь своим подругам. – Высокопрофессиональный журналист с ярким, самобытным стилем. Работает в одном из этих многочисленных рекламных журнальчиков... Ну, вы, наверное, не знаете, ими забиты все киоски... Мы с сыном обожаем Юлю. Она прелестна, правда? Сегодня, конечно, немного не в тонусе... Только не подумайте, этот серый цвет лица вовсе не от сигарет или избытка алкоголя – что вы! Просто она наверняка опять всю ночь провела перед монитором, да, Юля? Ах, милая, ну сколько раз я тебе говорила – ты слишком много работаешь! Она такая трудолюбивая. Кстати, Юленька, ты до сих пор не помыла окна?!

Окна!

При мысли об окнах меня прошиб холодный пот. Именно сегодня (когда я и так издергана до предела!) свекровь обещала нагреть с инспекцией. Вернее, заглянуть на чашку чая. А о невымытых окнах она деликатно намекала мне еще в середине апреля.

Как же я забыла!

И об окнах, и о визите свекрови...

Еще бы, как не забыть! Тут такие события. Трагическая гибель депутата, поручение, кейс, набитый деньгами...

Я обернулась и посмотрела на черный чемоданчик. Он лежал на диване и молчаливо голосил об опасности, нависшей над семьей депутата Воскресенского, и о моей бестолковости. Мало того что не расслышала фамилию адресата, так еще и код забыла. Не долбить же кейс молотком, как того требовала Нонна. Вдруг чемодан снабжен хитрой системой уничтожения

внутренностей? И при несанкционированной попытке вскрытия деньги зальет чернилами или прожарит до угольков электрическим разрядом?

С диким сожалением я оторвалась от компьютера – искала в Интернете информацию о человеке, владеющем нашим городом. Ведь Воскресенский сказал мне: этот мужик контролирует буквально все.

Кому чемодан-то нести?

Мэра города, к сожалению, звали не Андреем. Иначе вопрос решался бы элементарно. Я проникла бы в кабинет градоначальника и бухнула перед ним на стол увесистый кейс – берите, пользуйтесь. С пламенным приветом от вашего должника Антона Воскресенского. Пардон, забыла код. Но вы уж как-нибудь сами. Привлеките дешифровальщиков. С вашими-то возможностями...

Но нет. Родителям нашего мэра почему-то приспичило назвать сына другим именем. Чем им не угодило имя Андрей?! Чудесное имя, между прочим! Мужественное, весомое и сексуальное. Самое лучшее после Никиты.

Однако... Если я сейчас же не вымою окна, пол и кафель на кухне, не уберу в шкаф разбросанные по комнате вещи, не залью «Доместосом» унитаз и не стоняю в магазин за чаем и тортом, тогда вечером меня ждет расправа. И будет она пострашнее той, что уготована семье Воскресенского (если не вернуть кейс). Ланочка утвердится в своем давнем подозрении: ее сын выбрал в подружки отвратительную грязнулю. Ужас! Ужас!

Я бодро взялась наводить порядок. А что еще оставалось?

...Первый этап уборки всегда отличается усугублением бардака – все выдвигается, вынимается, ставится на дыбы, разбрасывается и проливается мимо. С этим я справилась блестяще.

Так. Теперь окна.

С тех пор как мы поставили стеклопакеты, я думаю о мытье окон с содроганием. Одна створка не открывается. И надо всем корпусом вылазить на улицу, балансировать на подоконнике, висеть над пропастью, чтобы дотянуться до верхнего внешнего угла. А так как я не обладаю навыками и сноровкой альпиниста или строителя-высотника, то мне очень страшно. Не слишком ли много впечатлений за последние двое суток?

Две отличные идеи посетили мой вялый мозг практически одновременно.

1. Я решила перед мытьем окон соорудить на лице макияж. Уж если грохнусь, то буду лежать на асфальте красивая и романтическая. С перламутром на губах.

2. А не привязать ли себя веревкой к батарее?

Вторая мысль понравилась. Если я крепко-накрепко обмотаюсь веревкой, риск вывалиться из окна будет сведен почти к нулю.

Великолепно!

Я умница!

Минут двадцать ушло на поиски подходящего снаряжения... Когда в компактном бунгало уживаются деспотичный мужчина-аккуратист и кроткая девица (это я о себе), вольно трактуемая понятие «порядок», то расположение вещей в квартире подчиняется особой логике. Все предметы, одобренные Никитой, стоят на виду – до оскомины ровно и перпендикулярно. А вещи, безжалостно списанные мужем в утиль, я ловко прячу по шкафам и антресолям.

Крестьянину все в хозяйстве пригодится!

Не сейчас, так лет через двадцать.

В конце концов был найден моток скользкого синтетического шнура ярко-синего цвета. Некоторое время я заторможенно переводила взгляд с мутных окон на шнур и обратно. И с усилием гнала от себя мысль № 3: а не проще ли сразу повеситься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.